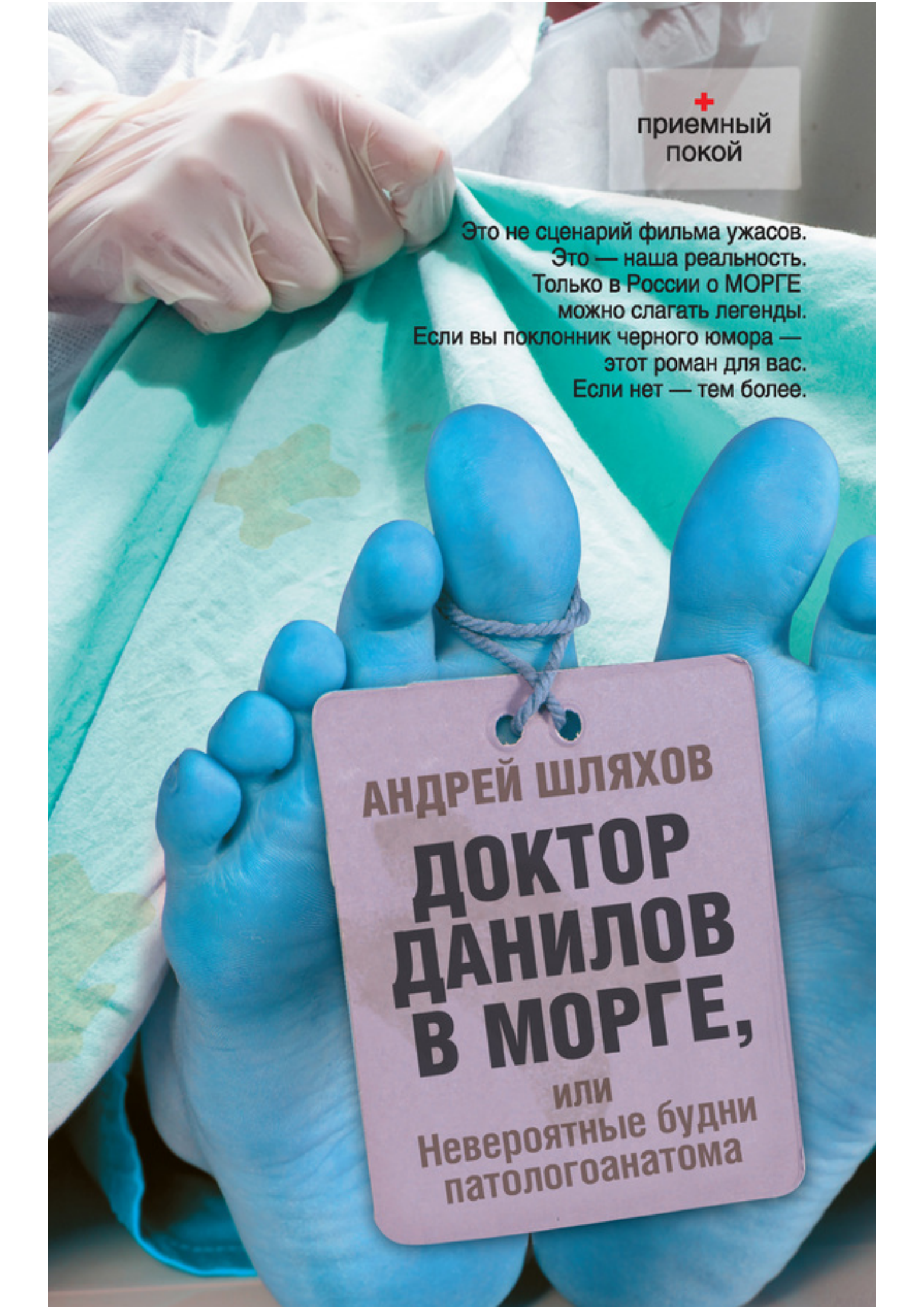

+
приемный
покой

Это не сценарий фильма ужасов.
Это — наша реальность.
Только в России о МОРГЕ
можно слагать легенды.
Если вы поклонник черного юмора —
этот роман для вас.
Если нет — тем более.

АНДРЕЙ ШЛЯХОВ

**ДОКТОР
ДАНИЛОВ
В МОРГЕ,**

**или
Невероятные будни
патологоанатома**

Доктор Данилов

Андрей Шляхов

**Доктор Данилов в
морге, или Невероятные
будни патологоанатома**

«Автор»

2011

Шляхов А. Л.

Доктор Данилов в морге, или Невероятные будни патологоанатома
/ А. Л. Шляхов — «Автор», 2011 — (Доктор Данилов)

Перед вами – один из самых увлекательных романов Андрея Шляхова. Холодный кафельный пол, угрюмые санитары, падающие в обморок студенты-медики. Бывалый доктор Данилов оказывается в морге, к счастью пока как сотрудник этого таинственного учреждения. Изнанка жизни патологоанатомов еще страшнее, чем видится нам, простым обывателям. Вперед, в царство Аида, только не оглядывайтесь и не закрывайте книгу – все самое интересное только начинается.

© Шляхов А. Л., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Пролог	5
Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	20
Глава четвертая	26
Глава пятая	32
Глава шестая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Шляхов

Доктор Данилов в морге, или Невероятные будни патологоанатома

*«If thought is life
And strength and breath:
And the want
Of thought is death...»*
William Blake, «The Fly»

*«Если сила жизни в мысли,
То и смерть сокрыта в ней...»*
Уильям Блэйк, «Муха»

«Сначала они извлекают мозг через ноздри железным крючком. Этим способом удаляют только часть мозга, остальную же часть – путем впрыскивания [растворяющих] снадобий. Затем делают острым эфиопским камнем разрез в паху и очищают всю брюшную полость от внутреннихностей. Вычистив брюшную полость и промыв ее пальмовым вином, мастера потом вновь прочищают ее растертыми благовониями. Наконец, наполняют чрево чистой растертой миррой, касией и прочими благовониями (кроме ладана) и снова зашивают. После этого тело на семьдесят дней кладут в натровый щелок. Большие семьдесят дней, однако, оставлять тело в щелоке нельзя. По истечении же этого семидесятидневного срока, обмыв тело, обвивают повязкой из разрезанного на ленты виссонного полотна и намазывают камедью (ее употребляют вместо клея). После этого родственники берут тело назад, изготовляют деревянный саркофаг в виде человеческой фигуры и помещают туда покойника».
Геродот, «История». (Перевод Г.А. Стратановского)

Пролог

Тринадцать заповедей патологоанатома

1. Не верь врачам, залечившим пациента до летального исхода.
2. Будь почтителен с тем, кто уже отправился в последний путь.
3. Никогда не отчаивайся, если не можешь найти причину смерти; указывай, какую пожелаешь, ведь ты – последняя инстанция.
4. Пьянство на рабочем месте – не порок, а одна из издержек профессии.
5. Спи сном праведника, ведь ты всегда и во всем прав.
6. Не ищи смысл жизни во время вскрытия.
7. Всегда помни о смерти – твоём поставщике.
8. Если твой пациент начинает предъявлять жалобы, гони его из морга.
9. Прежде чем знакомиться с девушкой, придумай себе менее пугающую специальность.
10. Не уверен – не вскрывай!
11. Не жалея сил для поиска истины. Чем больше найдешь, тем больше унесешь.
12. Поговорку «Семь раз отмерь – один раз отрежь» придумали идиоты.
13. Скальпель в твоей руке не просто нож, а оружие возмездия.

Глава первая

Кафедра

На суетливого молодого человека в слишком теплой кожаной куртке Данилов обратил внимание еще в вагоне. Бледное лицо с глубоко запавшими глазами, испарина на лбу, резкие повороты головы, судорожные движения рук. Парень явно искал то, что можно украсть и обменять на дозу.

Если хочешь выйти из общественного транспорта со всеми своими вещами – внимательно смотри на тех, кто рядом. И не обольщайся ничьим добропорядочным видом. А если сосед выглядит подозрительно – удвой бдительность.

Данилов машинально проверил телефон и бумажник. Мобильник лежал в чехле, прицепленном к поясу, а бумажник – во внутреннем, застегнутом на «молнию», кармане жилета.

После «Красносельской» парень в кожанке переместился ближе к центральному выходу – наверное, посчитал ехавших в вагоне пассажиров бесперспективными. Данилов, которому надо было выходить на «Сокольниках», встал за ним и, приняв за него, не удивился тому, что обладатель потертой куртки, грязных, обтрепанных джинсов и стоптанных «в лапти» кроссовок пользуется дорогим одеколоном. Чуть ли не у каждого опустившегося человека сохраняется какая-нибудь одна привычка из прежней, нормальной, жизни. Эта «соломинка» не только помогает своему обладателю выделиться в среде таких же опустившихся людей, но и служит призрачной гарантией того, что еще не все потеряно, что жизнь еще может наладиться.

Данилов вспомнил дядю Мишу, алкоголика, некогда жившего в соседнем дворе, а ныне покоящегося на Николо-Архангельском кладбище. Дядя Миша, когда-то бывший начальником экспериментального цеха одного из секретных научно-исследовательских институтов, пропил все свое имущество до последней простыни, но сохранил радиоприемник «ВЭФ-202», которым его наградили за успехи в социалистическом соревновании.

– Это память! – говорил он. – А без памяти человек не человек, а так... субстанция.

Выходя на своей станции, Данилов потерял «косуху» из виду и снова заметил его только на лестнице. Оказавшись на улице, «косуха» остановился и принялся деловито хлопать себя по карманам, будто стараясь найти сигареты и зажигалку; по сторонам он при этом смотрел очень внимательно.

Данилов ускорил шаг, чтобы успеть перейти дорогу на зеленый свет, но при его приближении светофор издевательски замигал и переключился на красный; пришлось остановиться.

Когда снова загорелся зеленый, Данилов приготовился уже сойти с тротуара, как вдруг услышал позади громкое и гневное:

– Отдай! Отдай телефон, сволочь!

Слева от Данилова, чуть не сбив его с ног, пробежал человек, разглядеть которого толком не удалось. Лишь по знакомому запаху одеколона Данилов понял, что это наркоман в кожаной куртке. Следом за «косухой» бежала высокая брюнетка в синем брючном костюме. Девушка явно отставала – тяжело держать скорость на высоких каблуках.

«Вот гад!» – Данилов сорвался с места и устремился вперед, на бегу перекинув мешавшую сумку с левого бока за спину. Девушку он обогнал сразу же, еще на проезжей части, и успел увидеть, как «косуха» побежал в глубь квартала. «Понятное дело, не побежит же он вдоль дороги», – подумал Данилов.

Завидев бегущего доктора, прохожие отшатывались. «Косуха» свернул налево за «Макдоналдсом». Данилов удовлетворенно отметил, что расстояние между ними понемногу сокращается: «Вот я молодец, а также спортсмен – бегущего наркомана почти догнал».

На улице Барболина Данилов был уже в трех метрах от похитителя телефона.

– Стой! Все равно догоню! – крикнул Данилов и сразу же пожалел об этом: надо было беречь дыхание, а не орать попусту.

«Косуха» обернулся на бегу, оценивая перспективу. Секундой позже украденный телефон полетел влево, на газон, а сам похититель метнулся направо, на какую-то из Сокольнических улиц.

Данилов не стал продолжать погоню. Он остановился около телефона, поднял его и внимательно осмотрел, пока восстанавливалось дыхание. Дорогому, новенькому на вид смартфону повезло: упав на мягкую траву, он совсем не пострадал. Страшно представить, что было бы, приземлился он на асфальт. Мысленно поблагодарив «косуху» за предусмотрительность, Данилов сунул телефон в один из жилетных карманов, оправил рубашку, выбившуюся из-под ремня, и уже спокойным шагом двинулся обратно. Он внимательно смотрел вперед, стараясь углядеть стройную стриженую брюнетку в синем костюме.

Увы: Данилов дошел до вестибюля метро, потоптался около него минут пять, но так и не встретил хозяйку телефона. Взглянув на часы, он решил вечером поискать владелицу по номерам, сохраненным в памяти телефона.

В этом году первое сентября выдалось на славу: было сухо, солнечно, но не жарко. Данилов удивился тому, что внезапно исчезли все дети с цветами, но сразу же сообразил, что школьные «линейки» давно уже начались. «Интересно, как там Никита? Донес ли букет до школы?»

Вчера вечером парень долго отказывался брать в школу принесенный Еленой букет из одиннадцати роскошных красных роз, которые предназначались классной руководительнице Валентине Антоновне. Никита терпеть ее не мог, считая «дурой и врединой». Данилов, пару раз видевший Валентину Антоновну, полностью разделял его мнение. В конце концов Никита позволил матери уговорить себя, но Данилов, успевший хорошо изучить характер мальчика, не исключал, что по дороге в школу парень может вручить букет первой же девушке, которая обратит на себя его внимание.

Троллейбус не только подошел к остановке одновременно с Даниловым, но и оказался почти пустым. Владимир сел у окна и так глубоко задумался, что чуть было не проехал свою остановку. Выручила память: когда-то именно здесь, в сто тридцать третьей городской больнице, носившей имя профессора Остроухова, свежееиспеченный доктор Данилов проходил интернатуру по анестезиологии и реанимации.

«Все возвращается на круги своя, – усмехнулся про себя Данилов. – Был интерном – стал ординатором. Прогрессирую, и это главное». Владимир слегка хорохорился, в глубине души его беспокоила не только смена профессии, но и сопутствующие обстоятельства...

– Несмотря на время, прошедшее с момента окончания учебы, вы показали превосходный результат, – сказал во время собеседования профессор Мусинский. – Девяносто три правильных ответа из ста даст не каждый сотрудник нашей кафедры. Но вот ваше решение меня лично очень удивляет. Податься в патологоанатомы после стольких лет работы врачом... Если не секрет, то каковы были мотивы, побудившие вас, Владимир Александрович, поступить к нам в ординатуру?

Заведующий кафедрой, несмотря на относительную молодость (пятьдесят с хвостиком), был въедлив и дотошен. Во всем он прежде всего ценил ясность. Впрочем, патологоанатому положено быть именно таким.

– Я устал от лечебной работы, – ответил Данилов. – К тому же меня всегда привлекала патологическая анатомия.

– Интересно узнать, чем именно? – оживился Мусинский, обводя взглядом остальных членов комиссии. – У нас же, мягко говоря... не очень эстетично.

– В медицине эстетам делать нечего, – улыбнулся Данилов. – А патанатомия, на мой взгляд, самая интересная область медицины. Для думающего человека, конечно. Постоянно решаешь загадки, анализируешь, делаешь выводы... очень увлекательно.

– Так, ясно, – заведующий кафедрой покивал головой. – Значит, на «скорой помощи» или в анестезиологии вам было мало загадок? Или там вы действовали не думая?

– Отчего же – не думая, – Данилов понял, что «по предмету» его больше спрашивать сегодня не будут. – Думал, но от этого приятного процесса меня то и дело отвлекали различные сопутствующие обстоятельства. Настал день, и захотелось побольше спокойствия. Меньше суетиться – больше думать...

Исповедоваться на собеседовании Данилову не хотелось.

– А вы читали «Окончательный диагноз» Артура Хейли? – Мусинский явно был мастером как каверзных, так и неожиданных вопросов.

– Читал, давно, еще в студенческие годы.

– Впечатлило?

– Нет, – честно признался Данилов. – Не впечатлило.

– Это хорошо, – одобрил заведующий кафедрой. – А почему?

– Поединок умов не этично накладывать на конфликт нового и старого, особенно в медицине, – Данилову самому понравилось, как емко и сжато он сформулировал ответ.

– Спасибо, – после нескольких секунд молчания сказал заведующий кафедрой, давая понять, что собеседование окончено.

С двумя пятерками – по итогам тестирования и собеседования, – место в ординатуре Данилову было обеспечено. Чудесное, бесплатное место, не только финансируемое из федерального бюджета, но и приносящее своему обладателю стабильный ежемесячный доход в размере двух с половиной тысяч рублей.

– Бешеные деньги – это не большие деньги, а те, получая которые можно сбеситься, – сказала Елена.

– Ничего, – отмахнулся Данилов. – Я же еще и работать буду. По специальности.

– На «скорой»? – удивилась Елена. – Но ты же сам говорил...

– Правильно говорил, – подтвердил Данилов. – На «скорую» не вернусь. Подработка у меня классная – фельдшером-лаборантом в патологоанатомии.

– Вова! – только и выдохнула Елена. – Ты что – с ума сошел? Подрабатывать лаборантом в морге? С врачебным дипломом в кармане?

– Так это же подработка, – пожал плечами Данилов. – В трудовую она не пишется. Да и что плохого – буду оформлять документацию, готовить фиксаторы и микропрепараты, следить за приборами, точить ножи...

– Какие еще ножи?

– Микротомные, какие еще. Заодно буду потихоньку входить в курс дела. На практике. По-моему, очень полезно.

– Ох, Данилов... – вздохнула Елена и перевела разговор на учебу, не дав Данилову сказать, сколько он будет получать, подрабатывая на должности лаборанта.

Вместе с надбавками и премиями на полставки у него должно было выходить вполне прилично. Во всяком случае, так обещал заведующий патологоанатомическим отделением, жена которого работала на одной кафедре с Полянским. Именно Игорь и пристроил Данилова в совместители, когда выяснилось, что работать тому, в сущности, негде.

С пациентами Данилов не хотел иметь дела так же, как не хотел играть по вечерам на скрипке в какой-нибудь полупафосной харчевне. Музыка и прием пищи были в его понимании несовместимы. А работать было необходимо: что он будет за мужик, если не сможет кормить семью. Предложение друга оказалось как нельзя кстати, да и заведующий моргом Данилову понравился. Нормальный сорокалетний мужик, без особенных амбиций и начальственного чванства.

– Отделение у нас непростое, текучесть кадров большая, дисциплина хромает, – признался заведующий Юрий Юрьевич, – поэтому нормальных сотрудников я не обижаю. Поощряю как могу, лишь бы работали добросовестно.

Непростым отделение было потому, что являлось централизованным – обслуживало не одну больницу, а несколько. Больше работы, больше писанины, больше суеты...

– Над графиком, конечно, придется поколдовать... – слегка погрузнел заведующий.

Данилов понимал проблему. В патологоанатомических отделениях дежурят только санитары, по одному на каждое. Врачи и лаборанты работают днем, считая отсутствие ночных дежурств основным бонусом своей службы. А еще их практически никогда не вызывают ночью на работу.

Принимая Данилова, имевшего диплом врача, но не имевшего сертификата по гистологии, заведующий совершал одно нарушение. Привязывая график работы Данилова к его учебе в ординатуре – второе.

– Ладно, буду ставить вам все субботы, а остальное время раскидаем... Вас же интересуют деньги, а не количество отработанных часов?

– Часы меня не интересуют, – подтвердил Данилов.

– Тогда поступим так. В заявление укажите не ноль пять ставки, а «до ноль пяти», приходите будете ежедневно во второй половине дня и заниматься препаратами, поддерживать в порядке оборудование, заполнять бумажки. По субботам приходите с утра. Сделали дело – идите домой. Учитывая, что ваш график несколько, хмм, условный, при необходимости вы можете пропустить какой-то день, только не забывайте заранее меня предупредить. Надеюсь на понимание. Вас рекомендовали как вменяемого человека. Мне надо, чтобы работа была сделана как надо. Все остальное – решаемо. Усердие вознаграждается материально.

– Я все понял. Надеюсь, вы будете мной довольны.

О такой подработке можно было только мечтать: пришел, сделал, ушел. Тихо, спокойно, никто не напрягает. Главное, чтобы деньги платили и еще чтобы никакой правдолюбец не настучал куда следует о нарушении трудового законодательства и финансовой дисциплины. Впрочем, последнее мало волновало Данилова: раз заведующий сам предлагает поступить подобным образом, значит, его начальство это негласно поощряет.

– Через месяц станет ясно, приработаетесь вы или нет, – сказал Юрий Юрьевич, давая понять, что разговор окончен.

Данилов не сомневался, что все будет в порядке. Необходимые лаборанту навыки он приобрел еще в институте, в студенческом кружке на кафедре гистологии. А это как умение ездить на велосипеде – на всю оставшуюся жизнь...

По больничной территории Данилов почти бежал – он не любил опаздывать, тем более в первый день. Впопыхах сунулся в здание морга, где располагалась кафедра патологической анатомии, с центрального входа, но охранник, безошибочно распознав в Данилове своего, отправил его к служебному входу.

Сотрудники попадали в отделение через подвал, откуда мимо раздевалки можно было пройти прямо к небольшому залу. Данилов на ходу достал из сумки халат и, не сбавляя темпа, надел его прямо поверх жилета. Часы на запястье показывали пять минут десятого. «Все-таки опоздал».

Но из распахнутой двери доносился нестройный гул голосов, свидетельствующий о том, что собрание еще не началось. Войдя внутрь, Данилов увидел, что все пять стульев в «президиуме», стоящие вдоль длинного обшарпанного стола, еще пусты.

Данилов уселся в последнем ряду у бокового прохода.

– Доброе утро, – сказал он соседке справа.

Та обернулась и, встретившись взглядом с Владимиром, ответила:

– Доброе утро.

Данилову захотелось ущипнуть себя за руку, чтобы прогнать наваждение. Рядом с ним сидела та самая девушка, хозяйка смартфона, оттягивавшего карман даниловского жилета. Сомнений быть не могло – та же стрижка. Теперь уже Данилов кроме стрижки смог разглядеть все остальное – от серо-голубых глаз до ямочек на щеках. Симпатичная, даже нет – красивая, определенно красивая.

Желая убедиться окончательно, Данилов перевел взгляд на ноги соседки и увидел синие брюки.

– Мы с вами знакомы? – Девушку явно покорила бесцеремонность Данилова.

– Нет, – улыбнулся Данилов. – Но вот уже полчаса или даже больше, как я просто мечтаю с вами познакомиться.

Дружелюбный взгляд соседки сменился равнодушно-отстраненным, ямочки на щеках разгладились, точеный подбородок слегка выдвинулся вперед. Девушка немного помедлила с ответом, явно раздумывая – осадить нахала словами или же ограничиться презрительной улыбкой.

Данилов расстегнул пуговицу на халате, сунул правую руку в жилетный карман и протянул соседке ее пропажу.

– Узнаете?

– Узнаю, – пролепетала та. – Мой телефон... Откуда он у вас? Ах, это же вы... Вас я не запомнила, но вот сумку вашу... Спасибо!

Она взяла телефон, повертела его в руках и убрала в сумочку.

– Пожалуйста! – ответил Данилов, и следуя раз и навсегда усвоенному правилу, гласившему, что мужчина должен представляться первым, назвал себя: – Владимир Данилов, ординатор первого года.

– А я Ирина, – улыбнулась соседка. – И, представьте себе, тоже ординатор первого года.

– Надо же, сколько совпадений, – пошутил Данилов.

– Да уж, кому рассказать – не поверят. А что вы сделали с грабителем?

– Когда он выбросил ваш телефон, я прекратил погоню.

– Фантастика! – от удивления и радости глаза Ирины расширились чуть ли не в поллица. – И вы просто так взяли и побежали за сволочью, укравшей чужой телефон? Не побоялись?

– Признаюсь честно, – Данилов никогда не любил корчить из себя героя, – все произошло так неожиданно, что я ничего не успел понять. Вдруг осознал, что бегу за этим типом. Ну, а раз уж побежал, то надо догнать. Или хотя бы получить телефон.

– Вы – мой герой! – восхитилась Ирина и тут же добавила: – Не спешите пугаться, это вас ни к чему не обязывает. Просто я расскажу...

– У меня к вам есть одна просьба, – Данилов склонился к уху Ирины и понизил голос, потому что в зал вошел заведующий кафедрой сотоварищи. – Не рассказывайте об этом хотя бы здесь, на кафедре. Я буду стесняться.

– Хорошо, – столь же тихо ответила соседка. – Я расскажу только маме...

– Маме можно, – разрешил Данилов.

– Я рад поздравить всех собравшихся с началом нового учебного года... – На собеседовании Мусинский говорил тихо, но сейчас его голос звучал громко и раскатисто. – Для начала познакомимся с новичками, а затем перейдем к делам.

Кроме Данилова и Ирины на кафедру пришли еще трое ординаторов. Алену Харченко, невысокую блондинку в очках, Данилов внутри себя окрестил Отличницей, и, как показало будущее, не ошибся. Высокий, весь какой-то прилизанный Денис Абанин получил прозвище Красавчик, а худой и взъерошенный Илья Цуркан был назван Воробьем. Ирине, фамилии которой Данилов не расслышал, прозвище как-то не подобалось.

После ординаторов настал черед аспирантов, на которых знакомство с новичками и закончилось. Мусинский представил новичкам профессора Каштанову, заведующую учебной частью, а с остальными сотрудниками предложил знакомиться по ходу дела.

Каштанова тут же попросила слова, поздравила новеньких с приходом на «самую замечательную кафедру на свете» и попросила ординаторов задержаться после собрания. Данилову она понравилась еще на собеседовании: полная, улыбочивая, доброжелательная; казалось, что с такой женщиной легко работать, да и жить, пожалуй, тоже.

Дальше стало неинтересно – сотрудники кафедры по очереди говорили о своих проблемах, не понятных Данилову. Он переглянулся с соседкой и, увидев, что той тоже скучно, возобновил беседу.

Для начала обменялись базовой информацией: рассказали друг другу, кто, когда и какой вуз окончил. Ирина оказалась обладательницей красного диплома, избравшей для себя научную стезю. Ее жизненный план был построен вокруг карьеры: до тридцати непременно защитить кандидатскую диссертацию и сразу же браться за докторскую, чтобы к тридцати пяти годам стать профессором, а к сорока получить свою кафедру. Планами Ирина делилась с доверчивостью вчерашней студентки. Данилов вспомнил, что у Полянского на шестом курсе была точно же такая программа, и с трудом сдержал улыбку. Кандидатом наук Игорь стал, хоть и с некоторым опозданием, но вот о заведовании кафедрой он уже, кажется, и не мечтал. Во всяком случае – давно уже не заводил разговоров на эту тему. Теперь защита докторской с обретением профессорского поста была венцом его карьерных планов.

Затем перешли к семейному положению. Данилов узнал, что его собеседница продолжает врачебную династию и попутно узнал ее фамилию – Захарьина.

– Правда, к тому самому профессору Захарьину наша семья никакого отношения не имеет, – сразу же уточнила Ирина. – Прадед родом из забайкальских казаков.

Жила Ирина с матерью, главным врачом детской поликлиники. Об отце упомянула лишь вскользь, сказав, что он, несмотря на возраст, продолжает оперировать.

Данилов в ответ сообщил, что женат и воспитывает сына, который навряд ли продолжит врачебную династию, так как колеблется в выборе профессии между адвокатом, программистом или банкиром.

– Что, так вот сразу, и банкиром? – не поверила Ирина.

– Да, так и сразу, – подтвердил Данилов. – Очень серьезный молодой человек. Но не исключено, что в итоге остановится на программировании, это же ведь так здорово – сутки напролет просиживать за компом, да еще и деньги за это получать...

После окончания собрания ординаторы первого года пересели в первый ряд, поближе к Каштановой.

– У всех есть с собой карандаши и альбом? – первым делом поинтересовалась она.

Карандашей и альбома не оказалось только у Данилова. Он хорошо помнил, что вся учеба на кафедрах гистологии и патологической анатомии связана с рисованием – зарисовкой препаратов с целью лучшего запоминания, – но не думал, что карандаши понадобятся уже в первый день.

– Карандаши с альбомом должны быть у всех и всегда! – предупредила Каштанова. – Наш заведующий, Георгий Владимирович, в любой момент может показать вам нечто интересное, и он будет крайне расстроен, если вы это тотчас же не зарисуете. Вы можете оставить принадлежности на кафедре, чтобы каждый день не носить с собой. Но – чтобы были у всех. Это первое. Второе – ординаторы первого года должны посещать лекции для студентов и исправно их конспектировать. Советую заранее ознакомиться с тематическим планом и накануне лекции прочитать соответствующую главу в учебнике. Так будет больше пользы. Лекции читаются не у нас, а в конференц-зале главного корпуса. Не опаздывайте, пожалуйста. И упаси вас бог сказать Георгию Владимировичу или, того хуже – Анне Павловне, что вы знаете все, о чем говорится

на лекциях и потому не видите смысла в их посещении. За пять минут вам докажут, что вы не знаете ровным счетом ничего. Со всеми вытекающими. Вопросы есть?

– Есть, Светлана Сергеевна, – сказал Красавчик. – А разве Анна Павловна читает лекции?

– Да, когда Георгий Владимирович занят. Теперь третье, и, наверное, самое главное. Вы пришли сюда учиться, а не валять дурака. Институт уже позади, то, что вы упустите сейчас, вам уже не удастся узнать. И забудьте про студенческую привычку полгода валять дурака, а потом устраивать мозговой штурм. Таким путем устойчивых знаний не получить. Только ежедневный труд позволит вам овладеть избранной специальностью в полном объеме. Все меня поняли?

– Да, – хором ответили ординаторы.

– Во время тестирования и собеседования на кафедре сложилось хорошее мнение обо всех из вас, – улыбнулась Каштанова. – Надеюсь, что мы не разочаруемся.

На Данилова ощутимо повеяло школой. «Вольдемар, Вы же сами этого хотели», – напомнил он себе.

Сердито жужжа, в стекло билась крупная муха, которой наскучило летать по залу. Ей было невдомек, что существуют ситуации, в которых настойчивость не помогает, а только отнимает силы.

– В час двадцать первая лекция, – сообщила Каштанова. – теперь можете отдохнуть минут десять, а затем возвращайтесь сюда. Сегодня с вами будет заниматься Дмитрий Алексеевич Ерофеев, ассистент кафедры. Все свободны!

Перерыв был как нельзя кстати: Данилов из последних сил боролся с внезапно накатившей дремотой.

Глава вторая

Первая секция

– Пойдемте в малую секционную, там вас ждет сюрприз, – сказал ассистент Ерофеев ординаторам, ждавшим его в коридоре.

Никто не стал уточнять, какой именно. В секционном зале, то есть в зале для вскрытия трупов, их мог ждать только мертвец.

За два дня ординаторы успели познакомиться с кафедрой, прослушать одну лекцию, побывать на парочке практических занятий и получить «научное задание». Им нужно было подготовить материалы для научных статей. Сами статьи писали аспиранты и ассистенты, а профессора с доцентами подписывали их и «продвигали» в журналы – так обеспечивалась ответственность в работе кафедры. В перечне авторов указывались все – от профессора до ординатора; а каждая опубликованная статья подтверждала авторитет написавшего, будучи хоть и небольшой, но научной работой.

Ассистент Ерофеев был человек-ртуть. Он ни секунды не стоял спокойно, без дела: если руки его внезапно оказывались свободны, но начинал дергать себя за бороду или протирать стекла очков. Передвигался он так быстро, что ординаторы едва за ним поспевали.

Сюрпризом оказался труп мужчины, на вид лет шестидесяти – шестидесяти пяти.

– Вот вам задание на сегодняшний день! – сказал Ерофеев, перебирая фартуки, висевшие на стене. – Так... перчатки тоже есть... Все есть! Можете облачаться и приступать. Ваша задача – установить причину смерти и при этом не изуродовать труп. Когда закончите – позовете. При поступлении все вы показали себя людьми сведущими, пора посмотреть, как вы умеете применять знания на практике.

– Дмитрий Алексеевич, а где история болезни? – спросила Ирина.

– А зачем вам история болезни? – Ерофеев изобразил крайнее удивление. – Только зря время терять. Мало ли, что там написали лечащие врачи? Может быть, они дилетанты и профаны, которые пытаются навязать вам свое мнение? Привыкайте рассчитывать только на себя.

– Но мы хотя бы должны представлять, где и что нам искать... – сказала «отличница» Алена, но Ерофеев не дал ей договорить.

– Разумеется – должны! Непременно – должны! Значит так, на вопрос «где?» отвечаю «здесь!», – ассистент указал правой рукой на труп. – А на вопрос «что?» отвечаю «причину смерти!». Еще вопросы будут?

Ординаторы молчали.

– Тогда – нож в руки и вперед! – подбодрил их Ерофеев. – Хотите – с песнями, хотите – без. А мне пора.

– Такой молодой и уже такой вредный! – высказалась Ирина, когда Ерофеев ушел.

– Одно от другого не зависит, – заметил Денис. – Ты что, вредных детей не видела?

– Давайте займемся делом! – ответственная Алена уже надевала фартук.

Спустя пять минут ординаторы стояли вокруг стола. Как-то само собой вышло так, что скальпелями вооружились Алена и Данилов. Резать не спешили – обменивались мнениями.

– Скорее всего – онкология, – предположил Денис. – Истощение налицо.

Покойник и впрямь был из тех, про кого говорят «кожа да кости». Рот слегка приоткрыт, глаза закрыты, губы синие, правое плечо немного ниже левого. Вот и все данные внешнего осмотра.

– Давайте-ка перевернем его, – предложил Данилов.

Илья и Денис помогли ему перевернуть труп на живот, но осмотр тыла ничего не дал.

– Почему обязательно онкология? – возразила Ирина. – Почему, например, не туберкулез?

– Туберкулез можно исключить, – сказал Данилов. – Сразу.

– На каком основании? – Ирине явно хотелось поспорить. – Или ты ясновидящий экстрасенс? Тогда, может, скажешь сразу диагноз?

– Действительно, а почему не туберкулез? – заинтересовалась Алена.

– Потому что туберкулезные трупы сюда не попадают, – объяснил Данилов. – Для них есть свой морг, при седьмой туберкулезной больнице.

– Знаем такую тут неподалеку, – сказал Денис.

– Меня вообще Сокольники как район не впечатляют, – отвлеклась от темы Ирина. – Туберкулезная больница, городской противотуберкулезный диспансер, кожно-венерологический диспансер и тюрьма!

– Поверь, нефтезавод гораздо хуже всего перечисленного, – сказал Илья, снимавший квартиру в Капотне.

– Но ведь здесь городской патологоанатомический центр, – возразила Алена. – И труп могли по каким-то соображениям привезти сюда.

– Наверяд ли, – покачал головой Данилов.

– А где подушка? – вспомнил Денис.

Твердая «подушка» в клеенчатой наволочке лежала под столом. Данилов поднял ее и положил под шею трупа с таким расчетом, чтобы было удобнее вскрывать черепную коробку.

– Предлагаю работать не всем сразу, а в обычном порядке, – сказал Данилов. – Желающие поработать с головой есть?

– Начинай, а я буду ассистировать, – предложил Илья.

Покойник был лыс, что облегчало задачу. Стараясь вести скальпель плавно, Данилов сделал на голове трупа длинный разрез – от правого уха к левому. Вышло неплохо. Пока Данилов осматривал взятую со стола с инструментами рамочную пилу, похожую на обычную ножовку, Илья подготовил поле: натянул кожу на лицо и затылок. Данилов зафиксировал голову трупа левой рукой, а правой стал пилить – очень осторожно, даже почтительно, стараясь не повредить мозг. Слишком ретивый пильщик мог сорвать крышку черепа вместе с содержимым.

Остальные ординаторы молча ждали, пока Данилов закончит.

Распил получился ровным, почти образцовым. Отложив пилу, Данилов взял долото, вставил его в распил и покачал. Раздался негромкий хруст. Илья подал молоток. Данилов переместил долото туда, где щель была уже, и коротко, но сильно стукнул по нему молотком. Снова захрустело.

Молоток был не простой, а анатомический. Небольшой, цельнометаллический, хромированный. Внизу рукоять заканчивалась крючком, предназначенным для окончательного вскрытия черепной коробки. Как только Данилов вставил крюк в щель, Илья взял труп за руки и налег на него всем телом, чтобы покойник не свалился со стола. Данилов нажал на молоток. На сей раз раздался не хруст, а громкий звук, прозвучавший в тишине, словно выстрел. Свод черепа упал на стол, сверху вывалился мозг.

Данилов взял в правую руку «мозговой» нож – обоюдоострый, с длинным плоским и закругленным на конце лезвием, – затем схватил мозг левой рукой, потянул его и перерезал черепные нервы.

С мозгом и ножом в руках Данилов перешел к малому столу, предназначенному для работы с органами. Положив мозг на стол, Данилов перерезал ножом мозолистое тело, соединяющее оба полушария, и мозг распался на две половины.

– Чувствую я, что здесь мы что-то найдем! – сказал Данилов и принялся нарезать мозг тонкими пластинками. Каждый срез внимательно осматривался всей компанией до тех пор,

пока в левой височной доле не обнаружили признаки кровоизлияния. Обширного, явно ставшего причиной смерти.

– Быстро мы управились! – обрадовался Денис.

– Какое там – управились, – осадил его Данилов. – Мы только начали. Или ты уверен, что наш друг больше ничем не болел?

– Да нет, не уверен, – Денис пожал плечами.

– Тогда пойдем дальше! – сказал Данилов, возвращаясь к столу.

Илья приподнял труп за плечи, давая Данилову возможность переложить «подушку» под спину, так, чтобы покойник расправил плечи и слегка выгнулся вперед. В таком положении удобнее делать вскрытие и извлекать органы.

Данилов снова взял в руки скальпель и разрезал кожу от кадыка до лобка. На пару с Ильей они завернули кожу книзу – на профессиональном жаргоне это называлось «снять куртку». Настал черед другой, ножевой, пилы. Данилов аккуратно пилил ребра, вырезая грудину, а закончив, уступил место Илье. Тот довольно быстро извлек внутренние органы и выложил их на столе рядом с мозгом.

– А теперь предлагаю разделиться! – распорядилась Алена. – Так будет быстро и не скучно. Я возьму себе печень. Нет возражений?

Возражений не было. Данилову, как уже много сделавшему, достался желудок – пустой, практически без содержимого, с небольшим рубцом на слизистой оболочке.

– Язвенная болезнь желудка, ремиссия, – сообщил коллегам Данилов.

– А тут метастазов ку-у-уча, – протянула Ирина. – Ищите источник...

К часу дня секция была закончена. Дениса отправили за Ерофеевым. Тот пришел, долго копался в органах, долго рассматривал в микроскоп препараты, которые приготовили Алена с Ириной, и наконец, сказал:

– Вроде как все верно! Молодцы!

– А теперь-то покажете нам историю? – спросила Ирина.

– Конечно, – рассмеялся Ерофеев. – Вам же секцию оформлять, как же тут без истории болезни... Сейчас принесу. А вы пока посмотрите вот это. Интересно – сумеете опознать?

Он достал из кармана стеклышко с каким-то препаратом и положил его предметный столик микроскопа под зажимы.

– Возможно, что ваши мнения разделятся, – улыбнулся Ерофеев и скрылся за дверью.

– Какой-то день загадок, – поморщился Денис. – До экзаменов, кажется, еще далеко...

– Чувствую я, что вся ординатура будет одним сплошным экзаменом, – сказал Данилов. – И не могу сказать, что мне это не нравится. Так интереснее.

Алена уже сидела за микроскопом и рассматривала препарат. Через пару минут она поднялась и уступила место Ирине.

– Узнала? – спросил Илья.

– Пусть все посмотрят, а потом обсудим, – ответила Алена.

– Можно сделать иначе – пусть каждый запишет свой вариант ответа, а потом сравним, – предложил Данилов.

Идея всем понравилась.

Вернувшийся с историей болезни Ерофеев тоже не имел ничего против. Собрав все пять листочков, он бегло просмотрел их, скомкал и швырнул в урну.

– Сначала порадовали, а потом немного разочаровали! – Ерофеев погрозил ординаторам пальцем. – Все пятеро написали полную чушь, причем каждый – свою. Что ж, закономерно. Это правда бывает одна, а глупость вариабельна и многогранна. Предлагаю посмотреть препарат еще раз. Обратите внимание на крупные полигональные клетки с эозинофильной цитоплазмой.

– Саркома! – Алена в расстройстве хлопнула себя по лбу. – Какая же я дура! Это же саркома!

– Да, это саркома мягких тканей, – подтвердил Ерофеев. – Ладно, как оформите секцию, так можете разбегаться. Сейчас пришлю санитаров.

Согласно правилам, каждый труп после вскрытия должен быть соответствующим образом подготовлен к выдаче для захоронения. Хлопотное это дело – подготовка трупа. Трудоемкое.

Первым делом, для того чтобы труп не «потек», чтобы из него не вылились никакие жидкости, нужно было тщательно высушить все полости. Затем следовало зашить задний проход, а у женщин еще и влагалище.

Ненужные патологоанатомам органы, не взятые для учебных или научных целей, следовало положить внутрь тела. Никто не заботился о соответствии естественному расположению – незачем; селезенка могла оказаться в черепной коробке, а мозг – в брюшной полости. Оставшиеся пустоты следовало заполнить гигроскопичным материалом – ватой, опилками или хотя бы газетами.

Отвисающую нижнюю челюсть нужно было подпереть чем-нибудь со стороны шеи. Можно было сделать и лучше – сшить губы вместе незаметным швом.

Шить вообще приходилось много: надо было ушить все разрезы. Шили не хирургической, а обычной большой иглой; некоторые патанатомы предпочитали изогнутую. И все шили хирургическим шелком, дешевым и прочным.

Спиленную черепную крышку закрепляли гвоздиками, после чего возвращали на место кожу и зашивали разрез. Недостающие кости или суставы заменяли деревянными вставками или гипсовыми муляжами согласно правилу, гласящему, что твердое должно быть твердым, а мягкое – мягким.

Собранный и зашитый труп обмывали под проточной водой с мылом, обтирали и «штукатурили»: брили, причесывали, гримировали. Тут были очень кстати прижизненные фотографии покойника. В конце труп одевали и укладывали в гроб – и тогда только отдавали родственникам покойного.

С сегодняшнего дня Данилов начинал работать. Накануне он звонил Юрию Юрьевичу, и тот сказал, что все равно проторчит на работе до вечера, поэтому сам представит Данилова коллективу и введет в курс дела. После занятий Данилов наскоро перекусил в «Макдоналдсе» и спустился в метро. Ехать было удобно – без пересадок. И время хорошее – до часа пик еще далеко. Можно было почитать или подумать.

Данилов был очень удивлен тем, как его мать отреагировала на крутой профессиональный вираж. Против ожидаемого Светлана Викторовна не ужаснулась и не бросилась отговаривать сына. Наоборот – выдержала паузу и сказала:

– Что ж, может быть так и надо.

– Вот уж не думал, что ты со мной согласишься, – признался Данилов.

– Вова! – с укоризной сказала мать. – Во-первых, это твое собственное дело. Тебе решать, тебе жить. Во-вторых, не исключено, что это твое призвание. Может, ты наконец возьмешься за ум и по примеру Игоря сядешь за диссертацию. В-третьих, в жизни каждого мужчины наступает момент, когда бес пинает его в ребро...

– Хватит, мам, – Данилов поднял обе руки в жесте безоговорочной капитуляции.

– Нет, я уж dokonчу, раз начала. В-четвертых, твоя работа на «скорой» мне никогда не нравилась! Бомжи, аварии, всякие опасности... Я каждый раз ждала тебя с дежурства, как с войны. Особенно после того, как тебя чуть ли не убил этот проклятый китаец! И анестезиология – не самый лучший выбор. Я же знаю, что все анестезиологи постоянно дышат газами, которые дают своим больным. А тут хоть тихая спокойная работа...

– Никаких дежурств.

– Да, именно – никаких дежурств. Да и ординатура тебе не помешает. В наше время врач без ординатуры – это и не врач вовсе.

– Тут ты не права, – возразил Данилов.

– Зато я права в главном – к середине жизни ты наконец взялся за ум!

Данилов не раз убеждался в том, что жизнь просто обожает устраивать сюрпризы. Уверен в чем-то? Получи совершенно противоположный результат! Ждешь одного? Получай другое! Выстроил четкий план действий? Забудь о нем! Данилову казалось, что Елена согласится с ним, а мать будет против, но вышло наоборот. Или почти наоборот.

Елена была настроена критически. Патологоанатомия в ее представлении была скучным, унылым занятием – ни для ума, ни для сердца. Еще больше она не могла смириться с тем, что Данилов словно перечеркнул свой чуть ли не десятилетний опыт врачебной работы и начал карьеру с нуля, да еще и нашел сомнительную подработку на фельдшерской должности. Данилову несколько раз казалось, что вот сейчас Елена не выдержит и скажет что-то вроде: «Лучше бы ты в охранники или в дворники пошел!»

Елена говорила другое:

– Вовка! Вся твоя проблема, извини меня, конечно, не стоит и выеденного яйца! Тебе бы сходить к нормальному психологу, выговориться, снять стресс, проветрить мозги и продолжать работу. На фиг тебе сдалась ординатура по патологоанатомии? Ты же там от тоски подохнешь! Тебе же всегда нравилась живая работа с людьми!

– Да, нравилась, – в сотый, наверное, раз подтвердил Данилов. – А теперь не нравится. Так вот вышло. Ты еще некрофилом меня назови!

– Ты не некрофил, ты – подросток! Упрямый, не желающий прислушаться не только к добрым советам, но и к самому себе!

Хорошо хоть, что у обоих хватало ума окончить разговор, не доводя до ссоры. Всякий раз Данилов надеялся, что Елена не станет больше возвращаться к этой теме, но напрасно. Достаточно было маленькой искорки, чтобы тут же разгоралось пламя.

Юрий Юрьевич выдал Данилову халат и ключ от одного из шкафчиков в раздевалке, затем представил его коллективу в лице дежурного санитара Валеры, лысого флегматичного толстяка, а затем показал, где находятся нужные кабинеты. Их было немного – бумажный архив, где хранилась медицинская документация и чистые бланки; архив для микропрепаратов и биопсийного материала; лаборатория для приготовления препаратов; кладовка с реактивами и дезинфицирующими средствами.

– Вообще-то дезсредства положено хранить вместе с инвентарем для уборки, – зачем-то сказал заведующий, – но у нас повелось так.

Данилов не возражал, ему было все равно. Он думал, что заведующий некоторое время будет рядом контролировать процесс, но тот показал неотработанный материал и ушел к себе.

Данилов начал работать. На неделе он проштудировал литературу по специальности, освежил в памяти методы и пропорции и уже через пять минут почувствовал себя настоящим лаборантом-гистологом. Небольшая заминка вышла с бланками, но Данилов запорол всего два, после чего уже не ошибался с графами.

Разок в дверь заглянул Валера. Встретив взгляд Данилова, успокаивающе махнул рукой – мол, работай, не буду мешать. Данилов так и не понял, что это было – контроль или случайность.

В девятом часу Владимир закончил с последним препаратом, отнес отработанный материал в архив, подивился тому, что и здесь на дверки холодильников принято лепить разные сувенирные магнитики. В следующий заход принес в архив готовые микропрепараты и сложил их в отдельную ячейку вместе с бланками. Затем вернулся в лабораторию, убрал за собой, осмотрел для порядка микротом (прибор для получения срезов животных и растительных тканей, залитых в парафин), нашел, что тот работает исправно, и отправился в раздевалку.

В коридоре Данилов встретил Валеру.

– Уже отстрелялся? – спросил тот.

– Да.

– Тогда пошли.

Думая, что какое-то дело осталось несделанным, Данилов развернулся и пошел за Валерой. Дойдя до двери с пластиковой табличкой «Комната отдыха», Валера толкнул ее и отступил в сторону, одновременно сделав приглашающий жест рукой:

– Прошу!

– Спасибо, – поблагодарил Данилов и вошел внутрь.

Там было на удивление уютно. Удобный, не старый еще раскладной диван, стол, покрытый чистой клеенкой, три металлических винтовых стула, небольшой телевизор, подвешенный на кронштейне к потолку, тумбочка в углу, раковина у двери, небольшой кактус на подоконнике.

– Садись на диван, – распорядился Валера. – Выпьем по сто пятьдесят за знакомство, и пойдешь домой.

– А удобно ли? – как и положено новичку, усомнился Данилов.

– Более чем! – заверил Валера, доставая из тумбочки две стопки и полупочатую бутылку молдавского коньяка.

Следом за выпивкой на столе появилась закуска – плитка горького шоколада. Валера определенно знал толк в сочетании напитков и закусок. Данилов поймал себя на мысли о том, что санитару больше бы подошла бутылка водки и граненые стаканы вместо хрупких стопок.

– По чуть-чуть, чисто символически, ведь мы на работе, – сказал Валера, неверно истолковав улыбку Данилова.

Сев на один из стульев и разлив коньяк по рюмкам, санитар провозгласил традиционное:

– За знакомство!

Выпили, закусили шоколадом.

– Юю сказал, что ты раньше на «скорой» работал, а теперь в ординатуре учишься, так ведь?

– Так, – подтвердил Данилов, не любивший рассказывать в подробностях свою биографию.

– У нас хорошо, – сообщил Валера. – Сам не пойму, чего отсюда все сваливают. Можно подумать, что в других местах лучше.

– Хорошо там, где нас нет, – вставил Данилов, чтобы не показаться невежливым.

– Я здесь уже шестой год, – Валера отломил от плитки очередную дольку и, сунув ее в рот, зачмокал от удовольствия. – Люблю сладкое, по мне это видно.

Данилов почувствовал расположение к Валере. Причиной тому был не коньяк и не шоколад – ему всегда нравились люди, умеющие смеяться над собой.

– Я ведь тоже когда-то учился на врача, – поведал Валера, – в Саратове. Отчислили с третьего курса – завалил летнюю сессию. Пересдать тоже не удалось, пришлось идти служить. Вот так...

Валера разлил оставшийся коньяк.

– А после армии? – поинтересовался Данилов.

– А после армии женитьба, поиски хорошей работы, и как видишь! – Валера обвел рукой вокруг, словно демонстрируя свои достижения. – Вот такие пирожки. Ну, давай за все хорошее!

После того как коньяк был выпит, мужчины минут десять поговорили «за жизнь» – обо всем и ни о чем. Беседу прервал звонок.

– Привезли кого-то, – Валера не торопясь вымыл стопки, убрал их в тумбочку, отправил пустую бутылку и обертку от шоколада в корзину для мусора, стоявшую под раковиной, и только тогда пошел открывать.

По дороге из раздевалки Данилов заглянул в приемную. Валера разговаривал с незнакомым мужчиной в форме парамедика.

- Всего хорошего! – сказал он Данилову. – Будем считать, что знакомство состоялось.
- И тебе не кашлять!

На выходе Данилов попрощался с угрюмым усатым охранником и поспешил домой, предвкушая горячие бутерброды с кофе, душ и прочие радости жизни.

Глава третья

Если бог даст...

Нет ничего зазорного или унижительного в том, что ординаторы сидят на лекциях и практических занятиях вместе со студентами. Повторение – мать учения. Вдобавок, отпустив студентов, преподаватели нередко просят ординаторов задержаться и поучаствовать в разборе каких-либо сложных или редких случаев по теме занятия. У каждого своя манера преподавания – кто-то, подобно Ерофееву, любит загадки и каверзы, а кто-то просто делится своими знаниями.

Первые три недели Данилову казалось, что дураков на кафедре профессора Мусинского нет. Все преподаватели были умными, деловито-собранными, дружелюбными. Не кафедра, а аристократический салон.

Ординаторы занимались решением клинико-морфологических задач по расстройствам кровообращения, когда из коридора слышались громкие крики. Можно было разобрать отдельные фразы:

– Что он себе позволяет?! Нашел дуру!.. Молчать не стану!

Ассистент Граблина, проводившая занятие, на посторонний шум никак не отреагировала, даже не выглянула в коридор.

– Что там такое, Надежда Алексеевна? – спросила Ирина, отрываясь от микроскопа.

– Ничего особенного, – поморщилась Граблина. – Доцент Стаканникова почтила нас своим присутствием.

– Доцент Стаканникова? – переспросила Алена. – Она с вашей кафедры?

– Наталья Анатольевна читает лекции стоматологам, – пояснила Граблина, – и руководит нашей базой в шестьдесят пятой больнице. Здесь она бывает редко. К счастью.

Крики продолжались долго, минут десять, пока, наконец, после «А вот и Георгий Владимирович!» не наступила тишина.

– Давайте немного отдохнем, – предложила Граблина и, не дожидаясь ответа, встала и вышла из лаборатории.

– Стаканникова – это песня, – сразу же после ее ухода сказал Денис. – Неужели вам стоматологи про нее не рассказывали?

– Нет, – ответила за всех Ирина.

– У тети огромные амбиции, докторская степень и нет не то что заведования, но и профессорского звания, – продолжил Денис. – Плюс недостаток мужского внимания. В общем, редкая стерва.

– Знаешь что?! – сразу же вскинулась Ирина. – Не надо увязывать характер женщины с избытком или недостатком мужского внимания! Это по меньшей мере...

– Успокойся, пожалуйста, – попросил Денис. – Я просто хотел сказать, что у человека, ни разу не бывшего счастливым в любви, портится характер.

– Это одно и то же! – возразила Ирина. – Мы тебя прекрасно поняли.

– Давай лучше про Стаканникову, – попросил Илья.

– Что – заинтересовало? – съязвила Ирина.

– Нам в шестьдесят пятой придется провести два месяца. Ты что – план не видела? И я уже чувствую, что эти месяцы станут незабываемыми.

– Вы правы, коллега, – подтвердил Денис. – Там-то мы узнаем о себе всю правду, а точнее, что мы – безмозглые тупицы, лентяи и патанатомы из нас, как из печени кость!

– Из печени кость? – Данилов никогда не слышал подобного выражения.

– Ее любимая присказка. Она еще и не такое может выдать...

– Интересно, в чем причина сегодняшнего скандала? – спросила Алена.

– Причина всегда одна, – Денис махнул рукой. – Стаканникову опять обошли, обделили или обидели. Потерпи немного – скоро все узнаешь.

На два часа было назначено кафедральное совещание – конечно, с обязательной явкой ординаторов и аспирантов.

В худой, натянутой словно струна, брюнетке в строгом, без излишеств, сером костюме, вошедшей в зал вместе с Мусинским, нетрудно было опознать доцента Стаканникову. Ее можно было бы назвать красивой, если б не надменно-брезгливое выражение, искажавшее черты лица.

Отказавшись от предложенного ей Мусинским места в президиуме, Стаканникова уселась в первом ряду, напротив заведующего. Сидела она в позе примерной ученицы: прямая спина, взгляд устремлен вперед.

– Начнем, – сказал Мусинский, дождавшись тишины в зале.

Стаканникова тут же встала и заняла место за кафедрой.

– Наталья Анатольевна... – покачал головой Мусинский.

– Несмотря на то что Георгий Владимирович просил меня не поднимать этот вопрос на сегодняшнем совещании, я все же поступлю по-своему, – заявила Стаканникова. – Пусть даже и вне регламента!

Дама оказалась прирожденным проповедником с великолепно поставленным голосом и гипнотизирующим взглядом бездонных карих глаз.

– Если кто не знает – администрация шестьдесят пятой больницы по своему почину, без согласования с кем-либо, отобрала у нашей кафедры две учебные комнаты! – Стаканникова выдержала паузу, явно ожидая взрыва негодования.

Собравшиеся молчали. Лишь несколько человек, подобно Стаканниковой, явившиеся на заседание без халатов, видимо, сотрудники филиала, негромко высказались с места в стиле: «Это ужасно!»

– Но ведь мы уже все обсудили, Наталья Анатольевна, – развел руками Мусинский. – Эти комнаты были предоставлены нам временно, до приобретения больницы томографа. Администрация сделала любезность...

– Это были наши комнаты, Георгий Владимирович! И любой настоящий руководитель, – Стаканникова выделила голосом слово «настоящий», – никогда не отдаст помещения без борьбы! Того и гляди, нас завтра вообще выставят на улицу! Что – прикажете ютиться здесь?! Сидеть на голове друг у друга?

– Теперь до шести не закончим, – не понижая голоса, высказался в пространство доцент Поленов.

– Я прекрасно понимаю причину вашего нетерпения, Кирилл Владимирович, – губы Стаканниковой растянулись в ехидной улыбке, – но ничем помочь не могу.

По залу прощуршал тихий смех: женитьба пятидесятилетнего Поленова на одной из своих студенток стала любимой темой для шуток – обычно дружелюбных и не обидных.

Поленов благоразумно не стал отвечать, только пожал плечами.

– Хорошо, что вы предлагаете, Наталья Анатольевна? – уступил Мусинский. – Выделить вам эти две комнаты здесь?

– Я предлагаю написать письмо в Департамент здравоохранения с жалобой на самоуправство главного врача шестьдесят пятой больницы и просить поддержки в ректорате...

– Ректорат-то тут чем поможет? – удивился Мусинский.

– Как это чем, Георгий Владимирович! – в свою очередь изобразила удивление Стаканникова. – Если департамент не пожелает вмешиваться, то придется обращаться в министерство. Я надеюсь, что до этого не дойдет, но кто его знает? Малинин – настоящий самодур.

Когда я его спросила о том, не боится ли он испортить отношения с главным патологоанатомом Москвы, он ответил, что это не повод...

– Наталья Анатольевна! Я бы попросил вас никогда не выступать от моего имени без моего ведома! – нахмурился Мусинский.

– Но я...

– Минуточку! – попросил заведующий кафедрой. – Ординаторы и аспиранты могут быть свободны.

– Эх, не удалось нам досмотреть шоу, – притворно грустно вздохнул Денис, спускаясь по лестнице в подвал.

Данилов промолчал – его совершенно не интересовали производственные конфликты.

– Как Георгий Владимирович только ее терпит? – удивилась Ирина.

– Связываться не хочет, – ответил Данилов. – Если она по поводу двух не принадлежавших ей комнат способна дойти до министра, то при попытке от нее избавиться...

– Она обратится к президенту! – закончил Денис.

– Не иначе, – согласился Данилов.

– Все к лучшему, – подал голос оптимист Илья. – Шоу мы не досмотрели, зато освободились часа на полтора раньше...

«Можно позволить себе пообедать где-нибудь основательно», – подумал Данилов. Традиционный обед из двух гамбургеров (недорого и до вечера хватает) ему давно уже приелся. Захотелось немного роскоши – например, бизнес-ланча из трех блюд.

Данилов никогда не жил на широкую ногу, но ограничивать себя во всем так, как сейчас, ему приходилось только в студенческие годы. Необходимость считать каждый потраченный рубль не тяготила, а просто угнетала. И еще больше угнетало сознание того, что впереди два таких года.

Впервые в жизни Данилов пожалел о том, что так и не выучил толком ни один иностранный язык. Можно было бы заниматься переводами. Не слишком большой, но в целом неплохой заработок для ответственного человека, умеющего организовать свое время.

Не знаешь, что и лучше – нервничать по поводу невеликих доходов или всякий раз, занимаясь с пациентом, терзаться сомнениями, вызванными неуверенностью в себе. Недаром говорится, что победитель тяжело переносит поражение.

Смириться с таким положением Данилову помогало лишь осознание правильности своего решения. Не представляя себя вне медицины, Владимир тем не менее не мог больше работать с живыми людьми – мнительность и неуверенность в себе одолевали его настолько, что мешали принять правильное решение. Оставалось одно: работать с мертвыми, которым уже не навредишь, и с присланным на исследование материалом.

Составление заключения по данным гистологического исследования было делом очень ответственным, ведь от его правильности зависел чей-то диагноз, а очень часто и жизнь. Достаточно было, например, пропустить признаки онкологического процесса, чтобы сильно осложнить жизнь пациенту. Но эти соображения Данилова совсем не смущали. Он не видел людей, он работал с присланным материалом: исследовал срез или каплю на предметном стекле и давал заключение. Это не напрягало.

Несколько лет назад Данилову не пришлось бы становиться патологоанатомом через ординатуру – хватило бы и трехмесячных курсов переподготовки. Однако в министерстве сочли, что для подавляющего большинства врачей трех месяцев недостаточно, и изменили правила, оставив лазейку только для избранных – хирургов, урологов и онкологов.

«Ладно – прорвемся, – в который уже раз подбодрил себя Данилов. – Опять же – ординатура будет за плечами, а это очень полезно для карьеры. И до тридцати пяти лет мне еще далеко...»

Зайдя последовательно в пару кафе возле больницы, Данилов отправился в опостылевший «Макдоналдс». Там, по крайней мере, было чисто и не пахло ни прогоркшим, ни подгоревшим.

Сам Данилов не помнил первых кооперативных кафе, появившихся в середине восьмидесятых годов прошлого века, но его мать утверждала, что в них кормили хоть и дорого, но очень вкусно.

– И куда все подевалось? – сокрушалась Светлана Викторовна. – Казалось, что дальше будет только лучше, а вышло наоборот.

Мать не преувеличивала. В огромной Москве Данилов мог не, задумываясь, назвать не более пяти-шести мест, в которых вкусно кормили. Все прочие годились только для кофепития и разговоров.

– Все дело в конкуренции и дорогой аренде, – объяснял Полянский, которого работа в Институте питания попутно сделала знатоком современного общепита. – В итоге дело заканчивается тем, что нерадивые официанты разносят то, что приготовили из полуфабрикатов неопытные повара.

Данилов не был согласен с этим утверждением, но спорить не пытался. Какой смысл обсуждать причины, если его интересует только результат.

На работе сегодня пришлось попотеть: завалили материалом.

– У нас так – то пусто, то густо, – сказал Юрий Юрьевич, заглянув в лабораторную комнату к Данилову.

– Что-то я не замечал, чтобы было пусто, – пошутил Данилов.

– Это вы еще густо не видели, – серьезно сказал заведующий и ушел к себе.

Данилов продолжил заливать материал парафином. «Надо бы брать с собой плеер, – подумал Владимир. – С музыкой всяко веселее».

Вдруг откуда-то со стороны входа донеслись безумные крики, переходящие в вопли. «Что за день, – вздохнул Данилов. – На кафедре орут, здесь тоже орут».

Он вытер руки полотенцем, лежавшим здесь же, на столе, и пошел на шум.

Его помощь не понадобилась. Валера при молчаливой поддержке стоявшего рядом охранника уже почти погасил скандал.

– ...повторяю – сейчас тело вам никто не отдаст, – говорил он двум женщинам, очень похожим друг на друга. – Если вы не хотите, чтобы вашу маму вскрывали, то прямо с утра напишите заявление на имя главного врача...

– Мы напишем, а вы тем временем сделаете вскрытие! – взвизгнула та, что постарше.

– Зачем нам терять время? – поддержала ее младшая. – И без того есть чем заняться!

– Дежурный врач такие вопросы не решает, – миролюбиво ответил Валера.

– А за деньги? – старшая полезла в сумочку.

– Я трупами не торгую, гражданка! – Валера потерял терпение. – Сказано – завтра, значит – завтра! Успеете. Все равно раньше обеда до вашей мамы не доберутся!

– Ну вы хоть пометочку сделайте, – попросила младшая.

– Сделаю, сделаю, – пообещал Валера и довольно невежливо вытолкнул посетительниц в коридор. – Леша, проводи!

Охранник ушел за женщинами.

– Ну и денек сегодня, – Валера отер лоб рукавом халата. – С утра только и делаем, что лаемся. У одного жмура две золотые коронки пропали...

– Это как? – Данилов присел на обтянутую клеенкой кушетку – ноги, гудевшие от стояния за рабочим столом, настойчиво требовали отдыха.

– Да так... – Валера сел рядом, уперев кулаки в колени.

«Совсем, как борец сумо», – подумал Данилов.

– Привезли деда с двумя зубами желтого металла, если верить тому, что написали при приеме, а на выдаче у него этих зубов не оказалось.

– Так куда же они делись?

– Вова, ты чего! – Валера окинул Данилова снисходительным взглядом. – Скоммуниздил их кто-то из своих, ясное дело. Не пропил же их дедушка!

– Надо же... – Данилова передернуло от одной мысли о краже золотых коронок у покойника. – И чем все закончилось?

– Чем-чем, – проворчал Валера. – Да ничем. Скандалом. Что они себе думают? Хотят, чтобы я оплатил им пропажу. Так пусть сначала докажут, что коронки были золотыми. Может, там обычный металл с напылением...

– Тогда зачем их красть?

– Наши люди – как сороки. Что ухватят, то к себе и тащат. Коронки ладно, по весне с одного трупа искусственный глаз украли. Кому и зачем понадобился – ума не приложу. Разве что себе в жопу вставить и народ пугать? Ой, мать! Только с зубами разобрались, как дневной напарник во дворе разбился. Прикинь – вез пустую каталку, споткнулся и об нее же мордой приложился. Да так хорошо, что с сотрясением в травму положили. Пришлось за двоих отдуваться. Ну а про мелочи, вроде того, что кислотой облить пообещали, я вообще молчу...

– Кислотой-то за что? – ахнул Данилов.

– За то, что в кардиореанимации молодой мужик от инфаркта помер. Жена так и сказала – похороню и вернусь разбираться со всеми. И со мной в первую очередь.

– Почему? – так и не понял Данилов. – Ты же его не лечил.

– По кочану! Потому что я в белом халате, потому что рожа у меня сытая и наглая и потому, что я пока живой, а ее муж – нет. Вот такие пирожки. Надоело все так, что хочется бросить все и уйти в таксисты. Пусть в деньгах потеряю, зато спокойнее жить стану!

Последняя фраза сильно удивила Данилова, полагавшего, что таксист в любом случае должен зарабатывать больше, чем санитар морга, но задавать вопросы больше не хотелось. Пора было возвращаться к препаратам.

– Ты потом не исчезай, – сказал Валера вдогонку, – расслабимся немного.

– Да мне как-то... – замялся Данилов, которого угощали уже дважды: с другими дежурными санитарами тоже пришлось выпить «за знакомство».

– Отказы не принимаются! – санитар погрозил толстым пальцем.

– Но мне неудобно...

– Неудобно штаны через голову надевать! – заржал Валера. – Я же тебе от души предлагаю, как своему в доску, а ты выкаблучиваешься.

– Больше не буду, – пообещал Данилов, закрывая за собой дверь.

На этот раз Валера накрыл на стол прямо в приемной и пригласил присоединиться охранника Лешу, с которым у него явно были хорошие, если не дружеские, отношения. Санитар выставил литровую бутылку водки, по банке маринованных огурцов и грибов, тарелочку нарезанного сала, упаковку ветчины и, разумеется, душистый бородинский хлеб.

– Настоящий мужской обед! – одобрил охранник Леша.

– Ужин, – поправил Валера. – А для меня лично – завтрак. Я сегодня еще ничего не ел...

После первой заговорили о наступающей зиме.

– Хорошо зимой будет, – Валера с наслаждением потянулся, да так, что кости хрустнули.

– Почему это? – полюбопытствовал Данилов.

– Главным образом потому, что, если холодильник сломается, жмуры не потекут: в подвале и так холодно будет.

– Кто о чем, а вшивый о бане, – проворчал охранник, с аппетитом поедая сало. – Хоть за едой можно о работе не говорить.

– Можно, – согласился Валера. – Зимой люди катаются на лыжах...

– И ты тоже? – спросил охранник.

– И я.

– Тебя, слонопотама, небось только усиленные лыжи и выдерживают, – поддел охранник.

– Представь себе – лыжи у меня обычные! – окрысился Валера, зачерпывая столовой ложкой из банки с грибами.

Вилочек не было; впрочем, Данилов давно подметил, что ложками есть вкуснее.

После второй Валера вдруг спросил:

– Вова, а что ты делаешь по ночам?

– Сплю, – ответил Данилов. – Сном праведных.

– А способен ты, к примеру, ночью не спать?

– Спрашиваешь! – хмыкнул Данилов. – Я столько лет на «скорой» отработал...

– Значит, если когда-нибудь я попрошу тебя подменить меня часиков так до шести утра, то ты не откажешься? В шесть, максимум в полседьмого, я буду здесь как штык. Естественно, не затак, а за деньги.

– Если тебе очень надо, то я могу, – после недолгого размышления ответил Данилов.

– Ему очень надо! – осклабился охранник. – У Валеры ревнивая жена и очередная девушка, которую можно посещать только в рабочее время.

– Сам пойми – не сюда же мне ее приглашать, – пригорюнился Валера. – Она вообще-то думает, что я сосудистый хирург.

– Во даешь! – восхитился охранник. – Сосудистый хирург, надо же!

Валера выглядел таким расстроенным, что Данилов не мог ему отказать.

– Иногда я могу, – осторожно сказал он. – Только не очень часто...

– Да мне хотя бы раз в неделю! – Валерину печаль как рукой сняло.

– Раз в неделю – легко, – подтвердил Данилов.

«Вот ты уже и до санитара докатился, Вольдемар». Мысль оказалась непонятной – то ли шутилкой, то ли горькой. Данилов поспешил разлить по третьей.

– За друзей! – провозгласил Валера и, поставив стопку на стол, добавил, словно боясь, что Данилов передумает: – Делать практически нечего, сиди себе, да отдыхай за полторы тысячи.

– Сколько? – поразился Данилов, которому сумма показалась заоблачной.

– Ну и то, что на карман упадет станешь оставлять себе, – быстро сказал Валера. – Насчет начальства не беспокойся. Для Юю главное, чтобы все было спокойно-достойно. Ну что, по рукам?

– По рукам!

Данилов и Валера обменялись рукопожатием.

– Тогда в четверг я могу рассчитывать? – Валера веселел прямо на глазах.

Данилов молча кивнул.

– Не забудь виагры прикупить, – посоветовал охранник.

– Гад ты, Леша, – беззлобно огрызнулся Валера. – Пьешь мою водку и мне же хамишь. Ступай на пост, беречь мой покой.

«А жизнь-то налаживается! – подумал Данилов. Перспектива поспать до утра в морге за полторы тысячи не могла не радовать. – А если Валера захочет посещать свою страстишку по два раза в неделю, вернее – если предоставить ему такую возможность, – то за месяц получится плюс двенадцать тысяч к зарплате. Неплохой, в сущности, приработок. А Валера еще о каких-то падающих на карман деньгах говорил...»

Осталось сделать самую малость – объяснить Елене причину своих регулярных ночных отсутствий». Данилов так и не смог решить по дороге домой – сказать жене все как есть или же сослаться на аврал и большую занятость. Впрочем, разговор так и так пришлось бы отложить на завтра – к возвращению Данилова Елена уже спала.

Глава четвертая

Первая ночь

Так бывает: думаешь, что знаешь человека всего, досконально, до последней черточки, но вдруг он поражает тебя каким-то новым, ранее неведомым талантом. Или недостатком.

Елена, оказывается, могла предсказывать будущее, а Данилов об этом не знал.

– Дежурный сотрудник, – произносить слово «санитар» Данилову почему-то не хотелось, – попросил меня время от времени подменять его до утра. Так что завтра я ночевать не приду. Прямо оттуда поеду на кафедру.

– Разве так можно? – удивилась Елена.

Ее как администратора настораживали подобные подмены.

– Допускается, – уклончиво ответил Данилов. – Да и потом – дело несложное. Патолого-анатомическое отделение – самое спокойное из всех. Привезут труп – сверю соответствие маркировки с документацией и приму. Позвонят родственники – дам сведения о наличии интересующего их трупа. Вот и все.

– Не боишься? – Елена прищурила левый глаз и испытующе посмотрела на Владимира.

– Чего тут бояться? – не понял Данилов.

– Того, что в первое же твое так называемое дежурство кто-то из знакомых по «скорой» привезет тебе труп. И пойдут разговоры о том, до чего, мол, дошел доктор Данилов – санитарит в морге. Разговоров хватит на полгода.

– Собака лает – ветер носит. К тому же среди «труповозов» у меня знакомых нет.

Бригады транспортировки умерших и погибших граждан (сокращенно ТУПГ, или «труповозы»), которых на всю Москву около двадцати, базировались на трех подстанциях, одна из которой занималась только перевозкой трупов, а две другие обслуживали и живых, и мертвых.

Бригада ТУПГ состоит из двух человек: водителя-санитара и фельдшера. Когда-то давно вместо фельдшера был второй санитар, но потом его заменили, повысив статус бригады. Во время работы на «скорой» Данилову не раз приходилось слышать рассказы о баснословных заработках «труповозов», ради которых многие врачи работали на бригадах ТУПГ в должности фельдшера. Правда, ни с одним таким врачом Владимир не был знаком.

– Я знаю, почему я это делаю, ты тоже знаешь, а мнение общества меня никогда не интересовало. Можно подумать, что я в сутенеры пошел!

– Данилов, ты отстаешь от жизни! – деланно рассмеялась Елена. – Сутенеры в наше время – уважаемые люди. Благородные поставщики секс-услуг!

– У каждого свое понимание жизни, – пожал плечами Владимир.

Утром он нашел на кухонном столе записку: «В холодильнике для тебя бутерброды в фольге, возьми на работу» – и улыбнулся растроганно, подумав, что забота – это очень приятно. Бутерброды с сыром и копченой колбасой брать с собой не захотел – съел их прямо за завтраком, рассудив, что на ночь ему хватит пачки печенья, которое, кстати, нужно было вспомнить купить.

День на кафедре выдался суматошным: Мусинский улетал в Лиссабон на очередную международную тусовку патологоанатомов, и вся кафедра готовилась к этому. Одни, как и положено, в последний день, готовили какие-то материалы для заведующего, другие что-то переводили. Ординаторов нагрузили научными журналами и оставили в одной из учебных комнат «повышать уровень». Пользуясь случаем, Денис, Илья и Елена тихо убежали. Данилов с Ирой остались. Владимиру некуда было торопиться, а за Ирой в половине третьего должен был заехать кавалер.

Они добросовестно просмотрели журналы, поболтали о жизни и о том, как хорошо должно быть на международных симпозиумах и конференциях: четыре часа слушаешь интересное, а потом развлекаешься в свое удовольствие.

– Я бы тоже не отказалась рвануть куда-нибудь на три дня, – вздохнула Ирина.

– Какие проблемы? – Данилов отложил очередной просмотренный журнал и решил, что на сегодня с него хватит. – Или загранпаспорта нет?

– Есть, только толку с него? – поморщилась Ирина. – Для поездки нужна компания, а мне хронически не везет в этом.

– Если бы я не был таким старым, то я бы мог подумать, что это намек, – улыбнулся Данилов. – Или нет, не намек, а приглашение съездить куда-нибудь вместе.

– А если бы я не была бы такой юной, – в тон ему ответила Ира, – то я могла бы подумать, что слышу завуалированное приглашение.

Они оба рассмеялись.

– Но если уж начистоту, то ты – единственный из ординаторов, с кем мне приятно общаться, – неожиданно сказала Ира.

– Я польщен.

– Нет, серьезно. Все остальные – тоска зеленая. Денис – самовлюбленный павлин, Илья – пенек, Ленка – дотошная зануда. А ты – совсем другой. И к тому же у нас есть общая тайна, а это сближает.

– Это верно, – согласился Данилов. – Я не был бы столь категоричен в оценках наших коллег, но ты заметно от них отличаешься. В лучшую сторону.

– И чем же? – Ира кокетливо склонила голову набок.

– Ты держишься естественно, это располагает.

– И всего-то! А я надеялась услышать о себе много хорошего.

– Не услышать от меня плохого – это все равно, что услышать от другого много хорошего, – заверил ее Данилов.

Конечно же он забыл купить печенье. Вспомнил о нем уже на работе, когда готовил микропрепараты, и решил, что это к лучшему. На ночь есть вредно, а ночью – тем более.

В половине десятого Данилов закончил наводить порядок на рабочем месте и отправился к Валере, читавшему спортивную газету в приемной.

– Еще рано, – сказал Валера, на секунду отрываясь от чтения. – Иди, прихвати часок на диванчике. До одиннадцати.

– Как скажешь.

В комнате отдыха Данилов уселся на диван, закинул ноги на один из стульев и тотчас же заснул – сказала многолетняя врачебная привычка.

В пять минут двенадцатого его разбудил Валера, уже успевший переодеться.

– Я пошел. В журнал привезенных не записывай, просто вкладывай в него направления и сопроводилки, а я утром оформлю. Не забудь сверять наличие коронок и колец. На всякий пожарный – мой мобильный номер на столе под стеклом. Будут непонятки – звони.

– Я лучше до утра подожду, – ответил Данилов, представляя, как его звонок застигает Валеру в самый ответственный момент.

– Мое дело предупредить.

Данилов встал, одернул халат и наткнулся на удивленный взгляд Валеры.

– Ты куда?

– В приемную.

– Зачем? Продолжай спать. Если кого привезут – Леша разбудит.

– А если будут звонить?

– Перезвонят утром, – Валера протянул руку. – Ну, сладких тебе снов.

– А тебе... – Данилов замялся, подбирая подходящее выражение, но так и не найдя его, ограничился банальным пожеланием: – Всего хорошего!

– Чуть не забыл, – рука Валеры скользнула в карман его джинсовой курки и сразу же переместилась в нагрудный карман даниловского халата. – Твой гонорар.

– Спасибо.

Когда Валера ушел, Данилов переложил три пятисотенные банкноты в бумажник. По старой скоропомощной привычке он всегда держал при себе деньги, документы и ключи от дома – так было надежнее.

Приняв прежнюю позу, Данилов прикрыл глаза, надеясь тотчас же заснуть, но на этот раз быстро не получилось. Около четверти часа в голове вертелись разные мысли, большей частью – совершенно бессвязные. В конце концов Данилов прибег к одному из испытанных средств: начал повторять про себя поговорки и изречения на латыни. Мертвый язык всегда отлично его усыплял; не подвел и на этот раз.

Охраннику не пришлось будить Данилова – Владимир проснулся сам, как только прозвенел звонок. Взглянул на часы – пятнадцать минут третьего.

В приемной охранник Леша беседовал с невысоким мужичком в синей скоропомощной форме.

– Добрый вечер! – оживился мужичок при виде Данилова и доложил: – Бабуля восьмидесяти трех лет. Умерла дома, в поликлинике не наблюдалась, направление, милицейский протокол – все как положено.

Документы лежали на столе.

Все умершие на дому при отсутствии признаков насильственной смерти и невозможности установления диагноза заболевания, приведшего к смерти, и непосредственной причины смерти подлежат патологоанатомическому вскрытию. Проще говоря, если человек умер дома и причина его смерти врачам ясна, то можно обойтись без вскрытия. Если не ясна, но следов насилия на теле нет – вскрытие проводит патологоанатом. При подозрении на насильственную смерть труп исследует судебно-медицинский эксперт.

Судебно-медицинские эксперты – это патологоанатомы криминальной направленности. Судмедэкспертом работать тяжелее – им приходится вскрывать не только свежие, но и разложившиеся трупы, у них не бывает несрочной работы, а еще им приходится дежурить по ночам.

– Заносите, – разрешил Данилов, просмотрев бумаги.

Двумя минутами позже каталку с трупом, упакованным в специальный черный пластиковый пакет, вкатили в приемную. Сзади ее толкал водитель Куваев, с которым Данилов какое-то время проработал в одной бригаде в бытность линейным врачом. Увидев Данилова, Куваев зажмурился, потряс лохматой головой, открыл глаза и спросил:

– Владимир Александрович, вы ли это? Или мне мерещится?

– Не мерещится, Дима, это я, – Данилов вспомнил пророчество Елены. – Привет!

– Надо же! – деликатный Куваев воздержался от рукопожатия. – Кому расскажу – не поверят! А что – тут по-любому лучше. Да и в деньгах, наверное, не потеряли. Но главное – спокойней. Я вот как ушел в труповозы, так просто помолодел...

Куваев был в общем-то неплохим мужиком, но вот своей болтливостью мог любого довести до белого каления. Он говорил и говорил все то время, пока Данилов сверял маркировку с документами.

Покойников маркируют клеенчатыми бирками на запястье – пишут фамилию, имя, отчество, возраст умершего, дату его смерти и цель направления трупа в патологоанатомическое отделение.

– Все в порядке, – Данилов расписался в приеме.

Фельдшер кивнул ему на прощание и вышел на улицу. Водитель, которого никто не слушал, оборвал свой монолог на полуслове и заспешил следом.

– А все-таки – как вы здесь оказались? – спросил Куваев, обернувшись с порога.

– Просто подменяю хорошего человека, – откровенно признался Данилов – У него неотложные дела.

– А-а! – по выражению лица Куваева было видно, что он Владимиру не поверил. – Ну, до следующего...

– Всех благ.

Данилов дождался, пока Леша запрет дверь, и с его помощью отвез труп в хранилище.

– Выкладываем сюда, – посоветовал охранник, указывая на ближний к дверям стол. – Все равно Валера как заявится – пойдет сверять. Он у нас ответственный товарищ.

– Я уже это понял, – усмехнулся Данилов.

Переложив труп, он откатил каталку на ее дежурное место у входа, вернулся в приемную, скрепил сопроводительные документы скрепкой и сунул их под обложку «Журнала приема и выдачи трупов патологоанатомического отделения». Заодно ознакомился с висевшим на стене перечнем медицинской документации.

Список впечатлял. В него входили:

1. Протокол патологоанатомического вскрытия трупа.
2. Бланки Врачебного свидетельства о смерти.
3. Бланк-направление на патогистологическое исследование.
4. Журнал приема и выдачи трупов патологоанатомического отделения.
5. Журнал выдачи бланков «Врачебного свидетельства о смерти».
6. Журнал ежедневного учета трупов.
7. Алфавитная книга регистрации трупов, поступивших на вскрытие.
8. Журнал учета невостребованных трупов.
9. Журнал учета инфекционных заболеваний, выявленных на вскрытии.
10. Журнал регистрации патологоанатомических вскрытий.
11. Журнал регистрации приема и выдачи историй болезни и амбулаторных карт поликлиник.
12. Алфавитная книга биопсийного и операционного материала.
13. Журнал регистрации исследования биопсийного и операционного материала.
14. Журнал учета поступления и расхода спирта.
15. Журнал регистрации проведения занятий с персоналом отделения по технике безопасности и противопожарной безопасности.
16. Журнал регистрации занятий по работе патологоанатомического отделения в условиях контакта с особо опасными инфекциями.
17. Журнал регистрации учетного лабораторного оборудования, инструментария, аппаратуры.
18. Журнал учета хозяйственного инвентаря отделения.
19. Журнал функциональных обязанностей сотрудников патологоанатомического отделения.

«Эх, не хватает двадцатого пункта для круглого счета», – подумал Данилов, отметив также, что при приеме на работу Юрий Юрьевич не ознакомил его под расписку с функциональными обязанностями лаборанта. И даже не познакомил со старшей сестрой отделения. Или у них тут старший санитар?

Ровно в шесть часов Данилов проснулся, умылся, причесался, провел ладонью по щеке и полез в сумку за бритвенным станком и гелем. Покончив с бритьем, включил электрический чайник и отправился в туалет. Охранник Леша, широко раскинувшись в кресле, храпел на весь коридор – не очень громко, но пронзительно, с подсвистом. «Небось полипы в носу», – подумал Владимир.

Вернувшись в комнату отдыха, Данилов застал там Валеру, уже переодевшегося в халат и рабочую пижаму и буквально сияющего от удовольствия.

– Ну как? – спросил Данилов вместо приветствия.

– Хорошо! – выдохнул Валера. – А у тебя?

– Один труп. Женский. Документы в журнале.

– Лады, пойду взгляну на него. А ты пока душ прими да позавтракай.

– Да я лучше пойду, – сказал Данилов, которому ужасно хотелось не столько горячего завтрака, сколько полноценного обеда из трех блюд. – Ты не посоветуешь, где здесь поблизости пожрать можно? Так, чтобы не отравиться.

– По дороге к метро слева в красном доме пельменная. Вход со двора. Весьма достойно, особенно с учетом цен. Сам там питаюсь.

– Спасибо.

– Так я могу рассчитывать на продолжение? – спросил Валера, пожимая руку Данилову.

– Можешь, – ответил Данилов. – Особенно если обеспечишь меня комплектом постельного белья и время от времени будешь его менять.

– Какие проблемы, – подмигнул Валера. – Все будет в лучшем виде. Сегодня же получу и суну в твой шкафчик.

– Тебе оставить ключ? – Данилов полез в карман джинсов.

– Да я скрепкой открою и закрою, – ответил Валера. – Какие проблемы.

– Никаких, – согласился Данилов и поторопился в рекомендованную Валерой пельменную. С каждой минутой есть хотелось все сильнее.

Пельменная не разочаровала – там было чисто, недорого и вкусно. Столы были хоть и «стоячие», но располагались удобно, так, чтобы посетители не толкали друг друга под руку. Лучшей же рекламой заведению служило то, что, несмотря на ранний час, зал был почти полон. Не исключено, что наплыву клиентов способствовало либеральное отношение персонала к разливу крепких напитков под столом, чем грешила примерно половина присутствующих.

Данилов съел салат из капусты с яблоками, запил чашкой обжигающего куриного бульона (из курицы, а не из кубика!), съел две порции пельменей и почувствовал себя свежим и бодрым. «Все-таки ночное дежурство в морге с одной-единственной побудкой – это вам не дежурство на «скорой помощи» или в роддоме, – подумал он удовлетворенно. – Курорт, можно сказать. Хочешь спи, хочешь – научной работой занимайся».

«А что, это мысль!» – продолжал он размышлять, шагая к метро. При каждом патологоанатомическом отделении есть музей, коллекция препаратов, предназначенная для учебных и научных целей. Можно смотреть, тренировать глаз, изучать, сравнивать, распознавать... Тратить время с пользой.

Подтянуть знания стоило. Данилов чувствовал, что немного уступает другим ординаторам. У него был большой практический опыт, а они лучше помнили то, что совсем недавно учили в институте. Патологоанатому не следует ограничиваться одной лишь патологической анатомией. Нужно разбираться в гистологии, физиологии, как нормальной, так и патологической, в биохимии... Это только студенты первого курса, и то не все, поначалу думают, что достаточно выучить учебник по своей специальности и можно начинать работать. Стоит ли при таком раскладе учиться шесть лет, а потом еще проводить один год в интернатуре или два – в ординатуре? Ведь любой учебник можно вызубрить за полгода.

Впрочем, доводилось Данилову встречать коллег, которые совершенно не владели своей специальностью, но тем не менее продолжали работать. Достаточно было вспомнить доктора Бондаря со «скорой», сводившего причины всех болезней к употреблению жареной картошки и считавшего снотворное лучшим из лекарств, годным на все случаи жизни. В общем, это работало: пока больной просыпался, у Бондаря уже заканчивалась смена, и на повторный вызов ехал кто-то другой. Ну а если совсем не просыпался – что ж поделать, такова жизнь.

В вагоне метро Данилова ждало неожиданное развлечение: две пожилые дамы увлеченно, а главное, так громко, что не слышать не было никакой возможности, обсуждали целебные свойства мочи. Многие из пассажиров брезгливо морщились, но Данилова дискуссия на подобную тему смутить не могла. Напротив – заинтересовала, ведь дамы выдавали такие перлы!

– Если вкус не нравится, то можно добавить немного сахара, – поучала одна. – Только ни в коем случае не магазинного – он весь из свеклы делается...

– Тростникового? – понимающе кивала другая.

– Упаси вас бог! Только все испортите! Добавлять можно только виноградный сахар, думаю, что не надо объяснять почему?

– Ну-у-у... а почему?

– Потому что виноградный сахар – это чистая глюкоза! А весь остальной – глюкоза пополам со всякой дрянью!

– А мед можно?

– Мед плохо растворяется, а подогревать нельзя. Вся польза испарится...

Не зная, о чем именно идет речь, можно было бы подумать, что собеседницы увлеченно обсуждают какой-то целебный настой.

– Принимать по глоточку. Залпом пить не стоит. Глоточек, через четверть часа – еще глоточек, и так до самого сна. И не оставлять на свету – эти антио... антикси... антиоксиданты на свету окисляются! То есть шлаки-то так и так выведутся, но в плане омолаживания эта порция уже не работает.

«Великолепно! – подумал Данилов. – Принимая внутрь шлаки, выведенные из организма, мы, оказывается, выводим другие шлаки. Вот оно как! Клин клином».

– Посмотрите на меня! – призывала свою собеседницу более «грамотная» дама. – Разве мне дашь мой возраст? Все говорят, что я выгляжу значительно моложе! И это все благодаря правильному образу жизни и лучшему из лекарств, за которым не надо бежать в аптеку!

Свой возраст она сообщить забыла, поэтому окружающим пришлось верить ей на слово.

На «скорой помощи» Данилову время от времени попадались пациенты, пытавшиеся лечиться собственной мочой. Хуже всего пришлось отставному подполковнику авиации, который пытался вылечить «целебным напитком» язву двенадцатиперстной кишки, в итоге растратил ее до кровотечения, с которым и был госпитализирован. Лежа в машине под капельницей, страдалец даже пытался затеять с Даниловым «научную» дискуссию, но не вышло – Владимир работал молча и разговаривал только с фельдшером. Ничего, сдали в стационар живым.

– И упаривать на огне нельзя!

– А как же тогда?

– Поставьте, не накрывая крышкой, и пусть себе выпаривается естественным путем. Главный принцип – все должно быть естественно. Без химии!

«Раньше, услышав подобную ересь, врачи направляли пациентов к психиатру, а теперь все это можно услышать по телевизору», Данилов подумал о том, что далеко не все в жизни со временем меняется к лучшему.

– Моя племянница избавилась таким образом от эрозии шейки матки...

Данилов начал пробираться к выходу – на следующей станции ему надо было выходить.

Глава пятая

Некондиционный труп

Теория неразрывно связана с практикой. Но все равно удивительно, когда вопрос, разобранный поутру с преподавателем, вечером приходится решать самому.

– Никогда не поступайтесь своими немногочисленными привилегиями! – внушал ординаторам ассистент Ерофеев. – Раз уж вы пошли в патологоанатомы, не имейте дела с разложившимися трупами. Не отбивайте у коллег-судмедэкспертов их законный кусок хлеба.

Ординаторам нравились занятия, которые проводил Ерофеев. Это был живой, увлекательный обмен мнениями, во время которого преподаватель ненавязчиво подавал информацию, а ординаторы незаметно ее усваивали. Лекции доцента Боженко были куда более скучными: Анна Павловна излагала материал и следила, чтобы студенты его конспектировали, не более того. Пошутить во время лекции или рассказать нечто отвлеченное было для нее невозможно. Подобный шаг нарушил бы таинство лекции.

– Дмитрий Алексеевич, а исключения из этого правила бывают? – сразу же спросила дотошная Алена.

– Да вы не вскакивайте, пожалуйста, всякий раз, мы же не в школе. Бывают, но очень редко. Например, у вас сломается в жару холодильник, и трупы начнут портиться... Тогда уж – возитесь с ними сами. А так – запомните, что вы должны работать только со свежими трупами. Даже если вам привезут вздувшийся труп вместе с милицейским протоколом, в котором говорится об отсутствии насильственных следов, не принимайте. Пусть везут в судебно-медицинский морг. Потому что патологоанатом с гнилостно измененными трупами не работает. Каждый такой труп заведомо подозрителен в отношении насильственной причины смерти. А то иногда возникает такая интересная, можно сказать, патовая ситуация. Милиция отпишется, что на трупе, пролежавшем неделю летом в квартире, нет следов насильственной смерти, а поликлиника откажется выдавать свидетельство о смерти – труп-то с изменениями, и попытается отправить его на патологоанатомическое вскрытие... Ирина Николаевна, разве я сказал что-то смешное?

– Извините, Дмитрий Алексеевич, – смутилась Ирина. – Я просто вспомнила один рассказ Шукшина, в котором спорили, кто должен делать в магазине прилавков – плотники или столяры.

– Хорошая ассоциация, – одобрил Ерофеев. – Тоже жизненная. В каждой профессии существуют свои профессиональные заморочки. Кстати, а почему вы все выбрали патанатомию, а не судебную медицину?

– Чтобы не вскрывать разложившиеся трупы, – сразу же ответил Денис.

– Очень веская причина, – Ерофеев притворился, что принял ответ за чистую монету. – Остальные думают так же?

– Нет, – Алена все не могла расстаться с привычкой непременно вставать во время ответа, – меня патологическая анатомия привлекает как исследователя.

– Но терапия или, скажем, урология – это ведь тоже вечный поиск диагноза, выбор правильного лечения, наблюдение за пациентом, – возразил ассистент. – Почему именно патологическая анатомия?

Алена молча пожала плечами.

– Всегда лучше быть тем, кто ставит оценки, чем тем, кому их ставят! – вырвалось у Данилова.

Алена посмотрела на него с такой ненавистью, что он тут же пожалел о своих словах. Ни одна шутка не стоила того, чтобы наживать себе врагов из-за нее.

– Это ваша мотивация? – улыбнулся Ерофеев.

– Отчасти – да, – легко соврал Данилов. – Но логический поиск привлекает меня в первую очередь.

– Хорошо, а что скажете вы? – Ерофеев посмотрел на Илью.

– Не люблю я клиническую работу, – серьезно ответил тот. – Жалобы, суета, вечные дразги... А здесь – спокойно занимаешься своим делом.

– Ну, буду вынужден вас разочаровать, – Ерофеев вздохнул, словно подчеркивая, как ему не хочется кого-то разочаровывать. – Дразг и у нас хватает. Вместе с суетой.

– Почему? – не поверил Илья.

– А вы никогда не задумывались, как строятся отношения патологоанатома с коллегами-клиницистами и администрацией клиники? – Ерофеев отложил карандаш, который уже полчаса вертел в руках, снял очки и начал протирать стекла полкой халата. – Вы представляете себе сложность вашего положения?

– Нет, – признался Илья. – Никакой особой сложности я не вижу.

Данилов, благодаря своему врачебному опыту, сразу же понял, к чему клонит Ерофеев, но предпочел промолчать. Вопрос ассистента был скорее риторическим.

– Должно быть, вы видите себя такими умными экспертами, призванными находить чужие ошибки и с важным видом поучать коллег? Ну, это я, конечно, утрирую, но тем не менее... Администрация ценит вас как классного эксперта, коллеги уважают за ум и знания, и вообще – когда вы входите в темную комнату, в ней сразу же становится светло!

Очки вернулись на место, а карандаш снова очутился в руках Ерофеева.

– На самом же деле, – продолжил он, – администрации от вас нужно только одно – чтобы вы не создавали лишних проблем. Главное – что? Не выносить сор из избы! Поэтому если вы начнете рьяно искать во время секции то, чего не нашли лечащие врачи, и завалите больницу расхождениями диагнозов, то я вам не завидую. Вылетите из больницы как пробка из бутылки. Не уйдете сами – администрация вам поможет. У нее обычно получается.

– Лучше со всеми ладить, – вставил Денис.

Выражение его лица свидетельствовало о том, что уж он-то знает, как надо себя вести, чтобы не нажить неприятностей с первого дня самостоятельной работы.

– Не спорю, – кивнул Ерофеев. – Но имейте, пожалуйста, в виду, что всем в больнице от вас нужно только одно: совпадение клинического и патологоанатомического диагнозов. Так вот, предположим, что пациента усердно лечили от язвенной болезни желудка, а на вскрытии вы нашли инфаркт миокарда примерно недельной давности. Третья категория расхождений диагнозов налицо! Заведующий отделением вместе с лечащим врачом пытаются всяко вас убажить, заместитель по лечебной работе напоминает, что процент расхождений и без того превышен, главный врач прямо заявляет, что мертвых уже не вернуть, а надо думать о живых, то есть о нем и о прочих сотрудниках. Вы уступаете, ведь у вас доброе сердце и покладистый характер. И потом – мертвых действительно не вернуть, и вообще – они же не нарочно его угробили. Так уступаете или нет?

Ординаторы молчали, и только Данилов отрицательно покачал головой.

– Предположим, что вы пошли на нарушение и подтвердили клинический диагноз. А родственники умершего взяли да и написали жалобу в департамент. По горячим следам. И потребовали повторной экспертизы, отказавшись забирать труп для похорон. Такое случается не так уж и редко. Поднялся шум, покойника тут же привезли к нам, в городской центр, и сам Георгий Владимирович провел повторное исследование... Кто получит по шапке больше всего? Вы! И хорошо, если только за халатность, а не за заведомо ложное заключение. А все те, кто подбивал вас на это, будут усиленно делать вид, что они здесь ни при чем. Вот и делайте выводы.

– И какой же выход? – спросила Ирина.

– Выход, как и вывод, такой: можно не утруждать себя поиском сопутствующих заболеваний, не выявленных при жизни. Можно усложнить или облегчить диагноз в интересах родного стационара. Можно многое, но никогда нельзя притворяться совершенно слепым, потому что всякое расхождение третьей категории – это потенциальный конфликт. И не надо по своей воле становиться в нем крайним. Не ссорьтесь с лечащими врачами и администрацией по пустякам, но и не идите у них на поводу в главном! Держите баланс, если можно так выразиться. Вы меня поняли?

Возражений не последовало.

– Простите, что разбил ваши иллюзии, – Ерофеев повернулся к Илье, – но, как говорится, чем раньше, тем лучше. А теперь мне хотелось бы узнать, – взгляд ассистента перешел на Ирину, – почему вы выбрали для себя нашу специальность.

– Потому что она мне нравится, – не задумываясь, ответила Ирина. – А что определило ваш выбор, Дмитрий Алексеевич?

– Честно говоря, сам не знаю, – Ерофеев наконец-то сломал карандаш и потянулся за следующим. – Вообще-то меня больше всего привлекала клиническая фармакология, но на шестом курсе я взял да и решил подавать документы сюда, к Георгию Владимировичу. Наверное, поначалу мне больше нравилась сама кафедра, нежели ее профиль. Здесь, за редким исключением, очень приятный коллектив... Точного ответа на этот вопрос я не знаю, наверное, поэтому так люблю задавать его ординаторам.

– А я бы никогда не пошла бы в фармакологию, – шепнула Данилову Ирина. – Там же надо ставить опыты на животных.

– Клиническая фармакология ставит опыты только на людях, – слух у Ерофеева был острым.

– Извините, я не имела...

– Ничего страшного. Давайте прервемся на десять минут, а потом обсудим один случай, а вернее – сплетничаем на заданную тему...

Ерофеев вышел из кабинета. За ним потянулись курящие Денис и Илья. Алена достала из кармана халата коммуникатор и углубилась в чтение. По тому, как часто менялось выражение ее лица, Данилов подозревал, что Алена читает сентиментальные романы.

Он подумал, что надо бы сказать ей что-нибудь хорошее, чтобы сгладить впечатление от давешней шутки, но в голову ничего не приходило.

– Интересно, что он нам приготовил? – подумала вслух Ирина. – Сплетня на заданную тему...

– Я думаю, что последний случай в сто двадцатой больнице, – не отрываясь от экрана сказала Алена.

– А что там случилось? – заинтересовалась Ирина.

– Да все там оказались молодцы. И огребли все вместе, – разъяснять Алена не желала.

Она угадала. Речь действительно зашла о сто двадцатой больнице, одной из самых больших в Москве. Многопрофильная и скоропомощная, она тем не менее считалась далеко не самым лучшим столичным стационаром. Естественно, в крупном стационаре, принимающем пациентов и планово, и экстренно, смертность была выше, чем в тихой больнице, насчитывающей четыре-пять отделений и принимающей несложных пациентов, причем только в плановом порядке. А раз смертность выше, то, значит, и больница хуже. Изначальную разницу в тяжести состояния поступающих пациентов народное мнение не учитывало.

К тому же сто двадцатая больница несколько лет назад прославилась не только на всю Москву, но и на всю страну. Однажды утром в приемный покой доставили в крайне тяжелом состоянии некоего гражданина с закрытой черепно-мозговой травмой. Чуть позже врачи-реаниматологи клинического госпиталя ГУВД Москвы, прибывшие в сто двадцатую больницу вместе с сотрудниками милиции, обнаружили пациента за пределами реанимационного отделения,

полностью подготовленного для забора у него почек. При этом у пациента было давление и билось сердце. Вместо того чтобы спасти его жизнь, врачи предпочли разжиться годными к пересадке почками, несмотря на то что закон разрешает забирать органы лишь после составления акта констатации биологической смерти. В итоге нескольким врачам пришлось сменить место работы в принудительном порядке и несколько последующих лет заниматься менее квалифицированным трудом.

– Мужчина сорока лет поступил в стационар по «скорой» с диагнозом сотрясение головного мозга под вопросом и в состоянии алкогольного опьянения около десяти часов вечера, – начал от двери Ерофеев, еще не успев сесть за стол. – До следующего утра его продержали в приемном отделении. Вроде как наблюдали, но вот в чем конкретно заключалось это самое наблюдение, неясно.

– Скорее всего – ни в чем, – Ерофеев уселся и продолжил вертеть карандаш. – Историю болезни на него завели только в семь утра, якобы он только что поступил с диагнозом «алкогольная кома». Сопроводительный талон «скорой» вложили в историю, хотя там было написано совсем другое. Подняли в реанимацию. Там дежурный реаниматолог заподозрил острое нарушение мозгового кровообращения и срочно дернул невропатолога. Невропатолог снял нарушение и подтвердил алкогольную кому. Нейрохирургам не показывали, хотя на сделанном рентгене черепа (кто его назначил – непонятно, история болезни об этом умалчивает) виден линейный перелом. Назначения снимка нет, описание рентгенолога тоже отсутствует, но сам снимок есть. Пациента сутки усиленно «промывали», а потом он умер.

Небольшая пауза давала ординаторам возможность задать вопросы, но все молчали.

– На вскрытии нашли перелом костей свода и основания черепа, очаги кровоизлияния в головном мозге и еще кое-что по мелочам. Содержание алкоголя на вскрытии – по нулям. Кстати, при жизни у него кровь на алкоголь так и не взяли.

– Кранты! – емко высказался Илья.

– Вроде того, – кивнул Ерофеев. – Неправильная, несвоевременная и проведенная не в полном объеме диагностика помешала установить правильный диагноз и привела к смерти пациента. Стопроцентное расхождение диагнозов третьей категории. И как по-вашему, могли бы больничные патологоанатомы сделать вид, что не заметили перелома черепа?

– Тогда бы им пришлось и алкоголь обнаружить, – сказала Ирина.

– Разумеется, – согласился Ерофеев. – Сказав «а», говори и остальные буквы. Интересно, что заместитель главного врача по лечебной работе пыталась убедить весь департамент, что здесь налицо не третья, а вторая категория расхождения диагнозов. Да, постановка правильного диагноза в данном лечебном учреждении была возможна, но тем не менее диагностическая ошибка существенно не повлияла на исход заболевания. Все равно бы больного лечили чисто симптоматически и в итоге он бы умер. Как вам такая точка зрения?

– Не очень, – сказала Алена. – Утверждать, что он умер бы в многопрофильной клинике, имеющей свое нейрохирургическое отделение, просто-напросто глупо. Особенно для начмеда. Получается, что уровень ее стационара ниже плинтуса.

– Но как попытка отвести от себя громы и молнии – вполне уместно, – возразил Денис. – Нельзя же сразу признавать себя виновной. Ну, не себя лично, а свою контору.

– Я думаю, что восьмичасовое пребывание больного с подозрением на сотрясение в приемном отделении, да еще и без оказания ему помощи, повлечет за собой худшие последствия, чем расхождение диагнозов, – сказал Данилов. – Так что ей нет особого смысла менять категории расхождения...

– Настоящий боец всегда сражается до конца, иначе он и не боец вовсе, – улыбка Ерофеева затерялась в бороде, – Но с приемным пусть разбираются другие. Мы говорим о диагнозе. Это очень хороший пример того самого шила, которое невозможно утаить в мешке...

Труп привезли в полночь, ровно через час после ухода Валеры. За это время Данилов успел поужинать крекерами с чаем. Спать не хотелось, возможно, чай был слишком крепким – два пакетика на обычную чашку, – но Данилов все равно разложил диван, застелил его новым (Валера не подвел) комплектом постельного белья с больничными печатями, взбил свалявшуюся подушку, найденную в ящике дивана вместе с одеялом казарменного образца, и улегся читать «Правильное оформление диагноза», одним из соавторов которой был профессор Мусинский. Книгу он взял в конце занятий у Ерофеева.

– Только не заиграйте, – строго сверкнул глазами из-под очков Дмитрий Алексеевич, – экземпляр мой личный, с автографом Георгия Владимировича.

«Дорогому ученику и прекрасному человеку на добрую память» – было написано на развороте размашистым почерком Мусинского. Профессор явно не был оригиналом дарственных надписей.

Чтение увлекло Владимира, правда, ему то и дело приходилось возвращаться на несколько страниц назад. Дверной звонок вынудил доктора отложить книгу и отправиться в приемную.

Запах ударил в нос еще на подходе. В книжках трупную вонь почему-то называют «сладковатой» – и кому, интересно, первому пришло в голову такое сравнение? Обычный запах разлагающегося мяса, ни сладковатого, ни горьковатого.

– Там придурак какой-то, – доложил Данилову охранник Саша, поджидавший его в коридоре.

Нижнюю часть лица охранник укутал несвежим носовым платком, отчего у него вышло: «Пыдугуг кокото».

– Ны успел я двей откыть, как они каталку фкатили...

– Разберемся, – Данилов вошел в приемную.

Возле каталки с трупом стоял молодой парень в синей форме. Мелированные волосы, длинная челка, серьга в ухе, стеклянный взгляд, глупая улыбка на лице.

– Вот привез вам огурца! – сказал он Данилову и рассмеялся.

– Документы! – потребовал Данилов, стараясь дышать редко и неглубоко.

– Вот! – парень протянул мятые листы и снова засмеялся.

Делать ему замечания было бы глупо – обкурившихся травы это только веселит.

Данилов быстро просмотрел документы. Ерофеев говорил как раз о таких случаях: семьдесят два года, умерла дома, милиция ничего подозрительного при осмотре не нашла, в поликлинике последние три года не наблюдалась. Направлена на патологоанатомическое вскрытие.

– В патологоанатомические морги разложившиеся трупы не берут, – медленно и четко, чуть ли не по слогам, произнес Данилов, глядя прямо в глаза парню. – Вези в судебный...

– Что я вам – почтальон? – возмутился тот. – Куда наряд дали, туда и привез!

– Так он же воняет! – Данилов повысил голос.

– А у меня, может, насморк, – ослабился укорок и снова заржал.

Живому человеку в приеме было куда труднее отказать, чем покойнику.

– Саша! – позвал Данилов. – Помоги-ка.

Вдвоем с охранником они вывезли каталку на улицу, к стоявшей там машине с красным крестом. Около машины, не обращая внимания на морозящий дождь, расхаживал, разминая ноги, водитель. Загорелый, скуластый – настоящий степной всадник. «Тебе бы табуны гонять, а не покойников возить», – сочувственно подумал Данилов. Увидев, что каталка возвращается с грузом, водитель быстро подошел к задним дверцам машины и распахнул их.

– Напарник у вас странный, – сказал Данилов водителю.

Тот понимающе кивнул.

– Вот документы, – Данилов протянул документы парню, но тот демонстративно спрятал руки за спину. Владимиру пришлось положить их на труп, точнее – на черный пакет, в который он был упакован. – Мы пошли.

– А мы поехали! – сообщил парень, берясь за ручку передней правой дверцы. – Шариф, что ты встал там?

– Подожди! – Данилов схватил его за руку. – Куда это «поехали»? А труп?

– Труп ваш, каталка тоже ваша, – водитель залез в салон и повернул ключ зажигания, но охранник встал прямо перед машиной. – Моего тут ничего нет. Пустите!

Руку вырвать не удалось – Данилов держал крепко.

– Я ее по наряду привез! – стоял на своем укурк.

– Как привез, так и увезешь! – ответил Владимир.

Трижды обменявшись мнениями, Данилов почувствовал, что разговор зашел в тупик и ему надо действовать самому, пока окончательно не промок.

– Саша, помоги загрузить!

Отпустив парня, Данилов потянул каталку к задним дверцам, рывком распахнул их и, не обращая внимания на суетившегося рядом укурка, взялся за ноги трупа, собираясь загрузить его в единственную из четырех свободных секций. Охранник, отворачиваясь, чтобы дышать пореже, взял труп за плечи. Окоченевшие трупы грузить несложно, это не обмякшее тело коматозного больного.

– Подняли! – скомандовал Данилов.

Черный пакет разъехался посередине, явив взорам обнаженное тело – мужское, с однозначным первичным половым признаком.

– погоди-ка, – Данилов опустил труп обратно на каталку и обернулся к укурку, который как раз собирал бумажки, разлетевшиеся по асфальту. – Так это же мужской труп.

Он забрал у парня промокшие документы и сличил данные с клеенчатой биркой, болтавшейся на правом запястье покойника.

Направление было выписано Тимошиной Агриппине Кондратьевне, семидесяти двух лет от роду, а на носилках, если верить бирке, лежал Палильский Михаил Александрович, одна тысяча девятьсот шестьдесят второго года рождения.

– Ты трупы перепутал, мудила! – в сердцах высказался Данилов. – Давай быстрее сюда Тимошину и убирайся к чертовой матери!

Дождь усилился.

– Я сейчас найду, – водитель выключил зажигание, вылез и подошел к Данилову. – Разрешите.

Вначале он с помощью охранника перегрузил труп с каталки в машину, а затем потянул на себя другой, лежавший в соседней секции.

– Помогите, – попросил он Данилова и Сашу.

Укуренный фельдшер стоял сбоку и наблюдал за процессом. Правда, уже не улыбался – сказывалось отрезвляющее действие свежего воздуха и холодного дождя.

– А это точно наша? – ворчливо спросил Данилов. – Может, сверим сначала?

– Ваша, ваша, – заверил водитель. – Один женщин, другие три мужчины. Достанем и проверим.

Водитель дело говорил: невозможно было прочитать написанное на бирке, пока труп лежал в секции. Данилов помог переложить труп на каталку и развернул пакет. Тело оказалось женским и каким нужно: на бирке восхитительным каллиграфическим почерком было выведено «Тимошина Агриппина Кондратьевна».

– Разобрались наконец, – констатировал Данилов. – Спасибо.

– Пожалуйста, не жалко, – ответил водитель, захлопывая дверцы.

Фельдшер молча уселся на переднее место.

– Вот урод! – покачал головой охранник, берясь за ручки каталки. – Это же надо так отличаться.

– Я тоже хорош, – улыбнулся Данилов. – Надо было сразу свериться. Обошлось бы без пререканий.

– Привыкнешь еще, – обнадежил охранник. – На автомате будешь все делать.

– Да у меня вообще-то нет такой цели, – привыкать к роли дежурного санитаря морга Данилову совсем не хотелось.

Сгрузив труп в хранилище, Владимир вернулся в приемную и аккуратно разложил сопроводительные документы на столе.

– До утра высохнет, – обнадежил охранник. – Все будет путем. Это вот когда родственникам чужой труп выдадут, а те его заберут – тут, конечно, визг до небес стоит.

– А разве такое бывает? – Данилову доводилось слышать подобные истории, но он всегда считал их выдумками. – Родственники же не слепые.

– Не слепые, – согласился охранник. – Но смерть меняет людей, да и приезжают забирать не всегда самые близкие. Иной раз является какая-нибудь седьмая вода на киселе. А некоторые вообще смотреть на покойников боятся. Один случай в мое дежурство был – выдали бабульку, да не ту. Только в крематории ошибку обнаружили.

– Вернули?

– Вернули, со скандалом. А тут уже другие скандалили, той покойницы родственники. Им тоже не ту вынесли, но они сразу заметили, что это не та, и говорят – а где та, а им говорят, что та не та...

– Ты еще не запутался? – улыбнулся Данилов. – Спать пора.

– Пора, – согласился Саша. – Чувствую, что после такой катавасии нас до утра никто не побеспокоит.

– Сплюнь, – попросил Данилов, но охранник напророчил верно – до утра больше никого не привозили. Лишь одновременно с приходом Валеры бригада «скорой помощи» привезла труп мужчины, умершего у них в машине, но это Данилова уже не касалось.

Глава шестая

Подозрения

– Тут он открыл глаза и возвел их к нерадостному, уходящему в темь потолку покоя. Как будто светом изнутри стали наливаться темные зрачки, белок глаз стал как бы прозрачен, голубоват. Глаза остановились в выси, потом помутнели и потеряли эту мимолетную красу¹. Подумать только – как точно, как образно и вместе с тем как уважительно Михаил Афанасьевич пишет о смерти!

У доцента Кислой был свой пунктик: смерть и все, что с ней связано.

– Лариса Александровна – человек своеобразный и увлекающийся, – однажды сказал о ней заведующий кафедрой.

Доцент Кислая могла ответить на звонок по мобильному посреди занятия или даже собрания. Спокойно, не понижая голоса, сказать «Да, я слушаю», а дальше – что-нибудь неуместное:

– Маша, это же так здорово, когда у тебя есть человек, с которым можно не притворяться, а просто быть самой собой! Без стремления казаться лучше. Вести себя, как тебе хочется, говорить, что хочется, ходить перед ним в футболке и стоптанных тапочках, есть курицу руками...

Никому другому не было позволено так себя вести; но Кислую не одергивал никто, даже заведующий. Не потому, что любили, а потому, что знали: это бесполезно. Лариса Александровна будет хлопать чрезмерно накрашенными ресницами, пожимать плечами, смотреть умоляюще, но разговор доведет до конца. Как и все прочие свои затеи. Обделив эту достойную женщину здравым смыслом, природа наделила ее великим упорством. Именно колоссальное упорство превратило тихую скромницу в доцента кафедры патологической анатомии.

Кислую Данилов невзлюбил сразу, потому что во время ее занятий у него обязательно начинала болеть голова. Он не знал, что было тому виной: то ли визгливый голос Ларисы Александровны, то ли ее личная энергия, то ли разнообразная ерунда, которую она говорила и вытворяла во время занятий, – но от головной боли, возникающей на ее лекциях, не помогали даже таблетки.

Но сегодня голова у Данилова болела из-за Елены, из-за того, как вела себя его драгоценная гражданская супруга.

Нет ничего странного в том, что люди годами живут вместе без соответствующих печатей в паспортах. Как говорится – не в документах дело, а во взаимопонимании. Но когда женщина, уже одобрявшая идею похода в ЗАГС, вдруг говорит: «А что это изменит? Сейчас совсем нет времени. И вообще, давай не будем торопиться», это настораживает и заставляет серьезно задуматься.

Вдобавок женщина, которая всегда жаловалась на усталость от своей ответственной службы (а заведовать подстанцией и впрямь нелегко), внезапно приобретает вкус к регулярным встречам с подругами вечером после работы. Приходит не слишком поздно – ведь дома ее ждет ребенок, а иногда и муж, пораньше вернувшийся с подработки. О встречах ничего не рассказывает, ограничиваясь дежурной фразой вроде «почесали языки и разбежались». И снова курит, несмотря на то что расставалась с этой привычкой по своему собственному почину и продержалась несколько месяцев.

Но больше всего Данилова озадачило то, что Елена постепенно перестала интересоваться его делами. Спросит: «Как ты сегодня?», услышит в ответ дежурное: «Нормально», и все! Жену даже не удивила сумма, которую Данилов заработал в патологоанатомическом отделе-

¹ М. А. Булгаков. «Морфий»

нии; а Владимир был уверен, что Елена обрадуется. Добрейший Юрий Юрьевич выписал Данилову премию, существенно превышавшую совместительский оклад. Вместе с деньгами, полученными за ночное дежурство вместо Валеры, вышло очень прилично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.